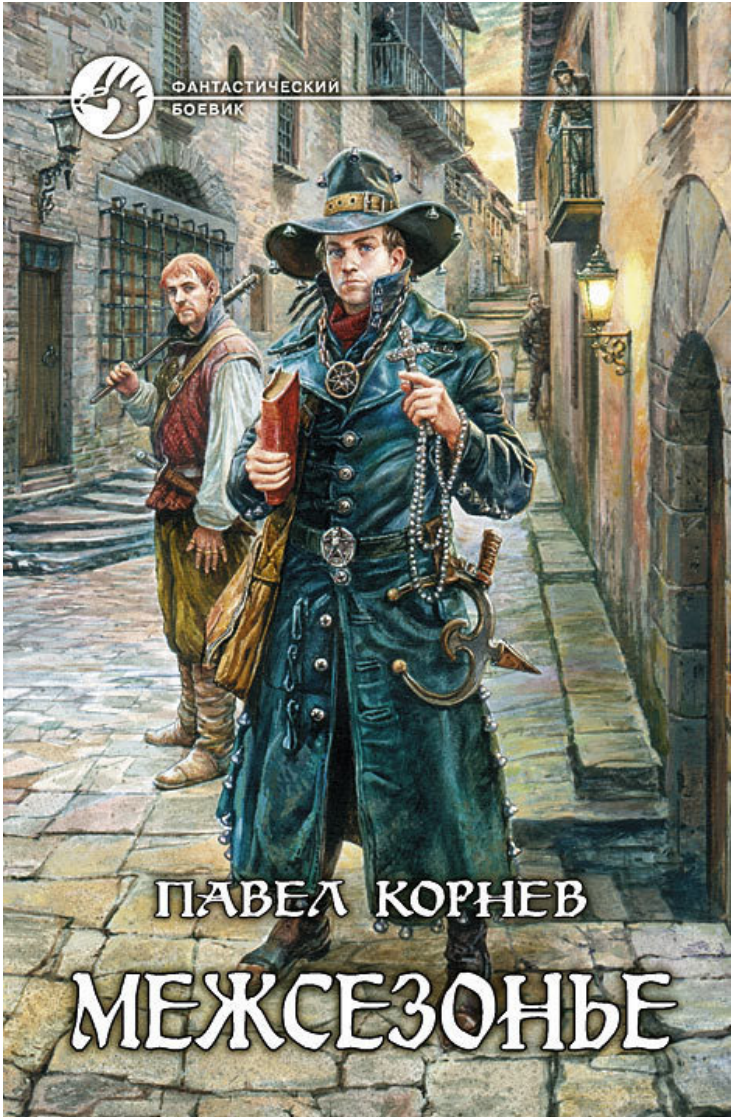
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
ПАВЕЛ КОРНЕВ
МЕЖСЕЗОНЬЕ

Павел Николаевич Корнев
Межсезонье (сборник)

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182013
Межсезонье: Альфа-книга; Москва; 2009
ISBN 978-5-9922-0392-9

Аннотация

Когда на Форт рухнула ледяная пирамида, когда забывший собственный зарок хромой ростовщик вышел в море, когда Себастьян Март взялся изгонять бесов, – тогда-то все и пошло наперекосяк. Или, наоборот, именно тогда началось самое интересное? Кто знает? Как говорил барон Мюнхаузен: «Безвыходных положений не бывает». Только вот никакой счастливый билет не поможет выбраться из города, застрявшего в затянувшемся на многие века апокалипсисе. Новые и старые миры в сборнике рассказов и повестей Павла Корнева.

Содержание

Приграничье 4
Горючка 4
Литр 16
Аутодафе 34
Ликвидаторы 51
Немного огня 111
Конец ознакомительного фрагмента. 125

Павел Корнев
Межсезонье (Сборник)

Приграничье

Горючка

Старые, потрепанные жизнью и ухабами бесчисленных километров «жигули» четвертой модели – мятые и плохо выправленные, с черными заплатами крыльев и капота на белом кузове, – грустно замерли на обочине раскатанной полозьями саней дороги, прямо у начавшего потихоньку оккупировать глубокий кювет ельника.

Казалось – что тут такого? Ну, вышел по нужде водитель, сейчас подойдет. Вон даже капот толком остыть не успел: кружившийся в воздухе легонький снежок тает, стоит только ему коснуться выкрашенного черной краской металла.

Вот только ни один понимающий человек даже не сбавил бы скорость, проезжая мимо этого места. Но то – понимающий. А вот недавно угодивший в Приграничье чайник… Этот страха не знает и не такое учудить может. Знаю, сам таким был.

– Нехорошее место, – внимательно осмотрев автомобиль,

вернул я морской бинокль лежавшему рядом на снегу Гамлету. Именно, что – нехорошее. А точнее словами и не передать. Все вроде спокойно: снежок мелкий с неба сыплется, желтое пятно растущей луны сквозь куцую дымку облаков просвечивает, темная стена елок вдоль серой полосы дороги тянется. Но вот не по нутру здесь находиться – хоть режь. И тени в овраге рядом с машиной гуще, и снег там как-то не так кружится. Хотя, может, просто с похмелья колбасит. И на кой черт с Датчанином из Форта в эту глушь поперся? Кто за язык тянул? Блин, первый и последний раз! Мне и в Патруле приключений на свою пятую точку хватает.

– Открыл Америку… – потихоньку отпустив перекрывшую обзор мохнатую еловую лапу, буркнул Датчанин и убрал бинокль в чехол. – Но на подставу не похоже.

– Спокойно все, – перебежал к нам через дорогу парень лет двадцати в белом пуховике и присел у дерева, держа на изготовку охотничье ружье с вертикально расположенными стволами. Хорошее, кстати, ружье – не чета моей двустволке. Как его?.. А! Штуцер. Не парень, само собой, ружье. Как парня зовут, честно говоря, и не помню уже. Вылетело из головы. Отложилось только, что он стендовой стрельбой в прошлой жизни занимался.

– Ашот где? – обеспокоенно завертел головой по сторонам Гамлет. – Алик, на хрена ты его одного оставил?

– Вон сидит, – мотнул головой на ту сторону дороги парень, – никуда не делся.

– Дуй обратно, – распорядился Датчанин, разглядев Ашота, почти сливавшегося со снегом из-за накинутого поверх шубы белого маскхалата. – Ну что, Лед, скажешь?

– Давай до утра подождем, а? – предложил я, отчаянно завидуя оставшимся ночевать на хуторе парням. Проверить расположенное неподалеку место, где частенько случались переходы с той стороны, Гамлет решил вчетвером и, само собой, как человека опытного прихватил за компанию меня. Хотя про опытность он наверняка для красного словца приплел, его дружки в плане подготовки ничуть не хуже. Но вот колдунов среди них точно нет, а я как-никак пару месяцев в Гимназии проваландался. – Незачем сейчас туда лезть, точно тебе говорю. Рассвета надо ждать…

– И сколько времени потеряем? Опять ведь от хутора сюда добираться придется, – вытер под носом меховушкой крепко задумавшийся Датчанин. Мысль о том, что мы на ночь глядя впустую протопали без малого пять верст, пришлась ему не по душе. – Ко второй точке не успеем. А она у нас основная.

– Может, там и нету ничего? – Я поежился от студеного ветерка, забравшегося под фуфайку. – Вы ж наугад бродите? В другое место куда-нибудь завернем.

– Не вариант. – Гамлет поднялся на ноги и махнул рукой схоронившимся в кювете у противоположной обочины подельникам. – Ходу!..

– Ну, Принц, хозяин – барин! – хмыкнул я и проверил ружье. Дурное предчувствие не унималось.

Вблизи автомобиль выглядел еще неприглядней: левая фара выбита, с этой же стороны передняя дверца глубоко процарапана. Удивительно, что эта таратайка вообще на ходу.

– Внутри никого. – Гамлет опустил АКМ и повернулся к лесу.

– Теплая еще, – стянув варежку, потрогал капот Ашот – невысокий худощавый мужчина лет сорока, огромный нос которого скорее напоминал клюв хищной птицы.

– Водитель сам ушел. – Опустившись на одно колено, я попытался рассмотреть несколько полузаметенных снегом следов. Ситуация не нравилась все больше и больше, но попытка обследовать местность внутренним зрением ничем хорошим не закончилась: выпитая вчера водка была не самого лучшего качества, и в голову моментально впились длинные иглы боли.

– Хрен с ним! – фыркнул Алик, распахнув заднюю дверцу и заглядывая внутрь. – Мы ж не служба спасения. Сам пусть выбирается…

– Есть че? – обернулся к нему Гамлет.

– Коробки какие-то, – обрадовался перегнувшийся через заднее сиденье парень. – Тьфу ты, черт, скипидар!

– Много?

– Пара коробок. В каждой двадцать бутылок по ноль-пять.

– Пристроим куда-нибудь. – Гамлет распахнул дверцу водителя, залез внутрь и повернул торчащий в замке зажига-

ния ключ. Двигатель несколько раз чихнул, но так и не завелся. Вторая попытка и вовсе закончилась лишь треском стартера. – Не судьба. Алик, посмотри там, может, получится бензин слить?

– Гамлет, давай закругляться, – поежился прыгавший с ноги на ногу Ашот. – Возвращаться пора.

– Аккумулятор заберем. – Оставив безрезультатные попытки завести машину, Датчанин вылез к нам. – И скипидар.

– О! Похоже, бензин кончился, – разочарованно протянул Алик, сливавший через обрезок какого-то шланга горючее из бензобака в найденную в машине двухлитровую пластиковую бутыль. – И пол-литра не будет.

Пока загоревшийся идеей открутить аккумулятор Гамлет шарил в салоне в поисках инструмента, я продолжал внимательно разглядывать подступивший к обочине ельник. И чем дальше, тем меньше нравился мне вид тесно разросшихся деревьев. Тени сгустились, на дне оврага закрутились вихри поземки. По спине побежали мурашки, и неожиданно почудился чей-то очень недобрый взгляд. От ощущения потустороннего присутствия сделалось не по себе, и, ухватив за рукав стоявшего у распахнутой задней дверцы Ашота, я запихнул его внутрь.

– Ты чего?!

– Все в машину, быстро! – С лязгом захлопнув дверцу, я рыбкой нырнул мимо опешившего Гамлета и в один миг перебрался через водительское сиденье. – Да быстрей ты!

– Алик, залазь. – Без особой суеты забравшийся внутрь Датчанин аккуратно прикрыл дверь и развернулся ко мне: – Случилось чего?

Ответить я не успел. Вынырнувшая из-под мохнатых елок темная волна в мгновение ока накатила на автомобиль, и зимняя ночь сразу же налилась непроглядной чернотой. Нахлынувший холод забрался под фуфайку, меня заколотила крупная дрожь, а в голове зазвучали отголоски чьих-то пронзительных голосов. И все же с ходу нечисти заполучить наши души не удалось. Тьма нехотя стекла с лобового стекла, и вместо нее закружился безумный хоровод снежного смерча.

– Что за фигня?! – Даже не пытаясь остановить хлынувшую из носа кровь, Алик принялся тормошить потерявшего сознание Ашота. – Какого черта?

– Лед?! – Гамлет удивленно замолчал, наблюдая за моими попытками отскрести изморозь с моментально заиндевевшего изнутри лобового стекла.

– Не мешайте! – огрызнулся я. Серебристый иней враз куда-то исчез, и теперь перед глазами колебалась серая подложка мироздания, бесцветное полотно которой рассекали лишь тщательно выводимые мной колдовские руны. Пальцы, судя по ощущениям, чуть ли не на всю длину погрузились в обжигавшее запредельной стужей стекло, и с каждым выцарапанным символом холод поднимался по правой руке все выше и выше. Ледяное щупальце потянулось к сердцу, но дело уже было сделано, и, взвыв от боли, я сунул обморо-

женные пальцы в рот.

Окутавшая автомобиль потусторонняя сила вновь попыталась просочиться внутрь, да только выставленная мной защита не подвела – заклинание, вложенное в начавшие на глазах затягиваться инеем руны, оказалось сильнее и свело на нет жуткую энергетику проклятого места.

– Нехорошее место, говоришь? – тяжело вздохнул заметно побледневший Датчанин. – Мог бы предупредить, что настолько нехорошее…

– Кто ж знал! – Я откинулся на сиденье. Магическое действо далось слишком тяжело: в голове зашумело, перед глазами замелькали белесые искорки. Еще и тошнота к горлу поднялась. Все, пора с водкой завязывать. Завязывать… да. Нам бы только выбраться отсюда! А шансы на это, прямо скажем, невелики. Но если выберемся – ни капли больше. Ни в жизнь!..

– Там задница, да? – Алик ткнул за окно перепачканным в крови пальцем.

– Полная, – тяжело вздохнул я и вздрогнул, когда порыв ветра качнул машину. – Не знаю, что это за нечисть, но пешком отсюда не выбраться. Машину я еще закрыл, но если выйдем – сразу кирдык.

– Придется всю ночь тут куковать? – хмыкнул немного успокоившийся Гамлет и убрал автомат из-под ног. – Задрыгнем…

– Не то слово. – Я обновил занывшим от холода пальцем

одну из почти полностью затянувшихся изморозью черточек колдовского рисунка. Где-то на другом плане бытия уже растекшийся в бесцветное пятно охранный символ вновь обрел четкость. Рука онемела почти по локоть, будто вместе с перетекшей в руну колдовской энергией начала уходить жизненная сила. – Меня ж на всю ночь не хватит.

– В смысле?

– Глаза разуй, – указал я на заиндевевшее лобовое стекло. – Когда полностью инеем затянется, нам хана! Нет – вам матерные слова вымораживать бесполезно. А я скоро уже спекусь. Час, максимум два.

– Какие варианты? – совершенно спокойно уточнил Датчанин.

– Вывести пешком никого не смогу, – задумался я. – И сам не уйду. Помощи от парней тоже ждать бесполезно – колдунов среди них нет. Да и когда они засуетятся, поздно будет.

– А что это за страхолюдина? – Алик оставил в покое немного оклемавшегося Ашота. – Может, ее прижучить получится? Пальнуть, там…

– Нечисть это. – Я несколько раз глубоко вздохнул. – Какая – не скажу. И боюсь, нам даже серебряные пули не помогут…

– А огонь? – Потянувшись, Гамлет поднял из-под ног парней пластиковую бутыль со слитым бензином.

– Не в таких количествах, – покачал я головой.

– Скипидар, кстати, тоже горит, – перегнулся через спин-

ку заднего сиденья Алик. – Может, его в дело пустим?..

– И хорошо горит? – задумался я. – Как бензин?

– Лед, ты гений! – заорал вдруг Гамлет. – Сможешь меня прикрыть, пока машину заправлю?

– Скипидаром? – покрутил я пальцем у виска. – Совсем, что ли?

– Точно тебе говорю – выгорит, – азартно потер руки Датчанин и уже куда тише добавил: – А нет, так нам терять нечего…

– Ну ты, Принц, даешь!..

– Тут еще полторашки есть, скипидар в них перелить можно, – предложил Алик.

– Давай, – не слушая моих возражений, распорядился Гамлет. – Лед, на тебя вся надежда!

– Пять минут – максимум, – предупредил я, внимательно разглядывая прочерченные на инее лобового стекла руны. – Не успеешь вернуться…

– Успею, – уверенно заявил Датчанин, принимая от Алика три полторашки, в которых плескался перелитый из бутылок скипидар.

– Может, с бензином смешать? – предложил Ашот.

– Не надо, – Гамлет положил ладонь на ручку двери. – Ну…

– Обожди, – остановил его я, закрыл глаза и несколько мгновений водил пальцами по лобовому стеклу, пытаясь ухватить призрачный кончик питавшей заклинание нити ма-

гической энергии. Закоченевшие пальцы слушались плохо, а вскоре и вовсе стали напоминать деревянные обрубки. Стиснув зубы, я перекинул кончик энергетической нити на Гамлета и, напрягая все свои не столь уж великие способности, создал второй слой защиты. Ледяные иглы боли пронзили насквозь, но голова, как ни странно, осталась совершенно ясной. И от этой неестественной ясности затягивавший прорехи в замороженном лобовом стекле иней нагонял еще больше жути. – Иди…

Резко распахнувший дверцу Гамлет стремительно выскочил наружу, и в машине сразу же похолодало градусов на десять. Ледяной ветер прошелся по салону, забрался под одежду, но бессильно затих, когда вновь захлопнулась дверца. Затих внутри. А там, снаружи, он продолжал бесноваться, вьюгой закручивая острые, будто стекло, снежинки.

Но холод и ветер были всего лишь прикрытием для темной сущности, пытавшейся завладеть нашими душами. По связавшей меня с Гамлетом энергетической нити пробежала дрожь, и я закусил губу, пытаясь не дать чужой воле разорвать и без того уже почти развеявшееся заклинание.

И вот тут пришла боль. Обжигающей лавиной она затопила все тело и едва не вышибла из него сознание. Из глаз потекли слезы, и не знаю, насколько бы меня еще хватило, не заскочи в этот момент в машину Гамлет. Сразу стало легче дышать. Да и давившая на плечи тяжесть защитного заклинания перестала казаться невыносимой. Вот только и сил

уже почти не оставалось…

Запорошенный снегом Гамлет тяжело вздохнул, перекрестился, аккуратно повернул ключ в замке зажигания и… двигатель завелся!

Вытерев моментально вспотевший лоб, Датчанин переключился на первую передачу и медленно, очень медленно «жигули» начали отъезжать от проклятого места. Через замерзшее лобовое стекло ничего не было видно, но впереди метров сто прямой дороги. Только бы не съехать в кювет, только бы не съехать!..

Нам повезло. Двигатель не заглох, автомобиль не съехал с дороги, а почти развеявшиеся защитные чары сумели отразить последний, самый страшный натиск пытавшейся прорваться в салон «жигулей» тьмы.

Когда бампер автомобиля мягко ткнулся в какое-то препятствие, Гамлет заглушил двигатель и повернулся ко мне. Я только хмыкнул и распахнул дверцу со своей стороны.

Темно. Холодно. Но это нормально. Выбрались.

Судорожно копавшийся за пазухой Гамлет выудил наконец оттуда обтянутую кожей фляжку, скрутил крышечку, хлебнул, выдохнул и протянул мне:

– Ну, за смекалку!

– Не, – отказался я, – зарок дал: если выберемся, водку пить брошу.

– Так то – водку. – Датчанин благостно растекся по водительскому сиденью. – А это коньяк!

– Коньяк? – Я обхватил фляжку негнущимися пальцами, покачал в руке и, ухмыльнувшись, сделал длинный глоток обжигающего алкоголя. – Коньяк – это святое!..

Литр

У всего в нашей жизни есть сторона черная и сторона белая. Плюсы и минусы. Преимущества и недостатки. У всего. Или почти всего. За исключением совсем уж крайних случаев и абстрактных понятий.

Возьмем вот, например, работу. Есть положительные моменты? Есть, как без них. Это ж только волка ноги кормят, а человек без зарплаты и сам ноги протянуть может. Недостатков у работы тоже хватает. Как минимум кому-то действительно приходится работать. И совершенно понятно, что в большинстве случаев – этот «кто-то» оказывается вами.

Но это все лирика. А вот необходимость за день намотать пару-тройку десятков верст, проверяя хутора и охотничьи избушки в окрестностях Елового, это уже суровая и не очень приглядная реальность. И при всем желании никак не получалось найти какой-нибудь положительный момент в этом рейде. Хоть бы один просвет, белый штрих – ан нет. Ничего утешительного. Остальные-то парни преспокойно в селе куковать будут. Ну, там по ближайшим хуторам прошвырнутся – и все. А нам – как обычно…

– Поймаю этих отморозков, голыми руками на куски порву! – Шурик Ермолов, оттянув опущенную на лицо заиндевевшую вязаную шапочку, сплюнул под ноги и тяжело оперся на лыжные палки. – Гады!..

– Угу, весь день на них убили. – Кот стряхнул перчатками снег с белого полушубка и снова заколотил в ворота одинокого дома на опушке леса, вплотную подобравшегося к уходившей на Еловое дороге. – Теперь еще пять верст до села пилить.

– Здесь заночуем. – Виталик Петров, прислонившись спиной к высокому дощатому забору, глянул на быстро темнеющее небо. – Никто раньше тут не бывал? Нет?

– Дрон велел сегодня возвращаться… – напомнил, настороженно оглядываясь по сторонам, Стас Тополев.

– Перетопчется! – фыркнул назначенный командиром группы Виталик и отодвинул в сторону ствол АКМ. – Да не тычь ты в меня…

– Эй, хозяева, открывайте, черт вас дери! – заорал вконец рассвирепевший Кот. – Патруль!

– Лед, – распорядился Петров, заметив, что я уже скинул лыжи, – посмотри, чего там!..

– Забор высокий, вам с Шуриком сподручней будет, – поморщился я. Что у того под два метра рост, что у другого. А мне через забор лезть радости мало. Пальнут из чего-нибудь и снесут голову на хрен! Да и намерзся за день – руки-ноги толком и не шевелятся уже. – Чего лезть-то? Пес, вон, лает. Сейчас откроют.

– Давай, подсоблю, – скинув лыжи, подставил руки Шурик. – Пошел!

Уперев валенок в его сцепленные ладони, я рванулся,

ухватился за верх забора и, подтянувшись, огляделся. Прямо к весьма немаленькому домишке подходили надворные постройки, чудь дальше маячила крыша бани. Несколько сараев, хлев. Собачья будка с надрывавшимся на цепи псом. И что самое главное – окно в выходившей на ворота бревенчатой стене было освещено. Словно заметив мое присутствие, хозяева наконец решили проверить, кого там принесла нелегкая: скрипнула дверь и кто-то вышел в сени. Пес сразу замолк и юркнул в конуру.

– Идут. – Я спрыгнул на снег. А ветерок-то неслабо разгулялся! За забором еще ничего, а как высунулся, вязаную шапочку на раз продуло.

– Тополь, прикрой, – приказал взявший на изготовку «Сайгу» Петров. – Мало ли…

Отрядный пулеметчик, позавчера не от большого ума поцапавшийся с Дроном и под горячую руку отправленный в этот рейд, тяжело вздохнул и поплелся выполнять приказ.

– Как здесь только люди-то живут? – буркнул Ермолов, стряхнув снег с варежек, и с автоматом в руках отошел подальше от по-прежнему закрытых ворот. – Караул…

– Нормально живут. – Заслышав хруст снега под ногами идущего через двор человека, я подался в сторону и поудобней перехватил двустволку. А чего не жить? Место ведь для дома – сто процентов! – не наобум выбрано. Даже с моими скудными способностями к колдовству ясно, что энергетика здесь очень насыщенная. Хорошее место. Думаю, и под ла-

зурное солнце ни одно исчадие стужи и близко не подойдет. Да и звериные черепа на столбах забора вовсе не для красоты развешены. То ли кустарные аналоги накопителей Иванова, то ли обереги какие – не разобрать.

– Снег едят, водой запивают, – хмыкнул настороженно уставившийся на ворота Ермолов и движением автоматного ствола велел Коту сместиться немного в сторону.

– Все путем. – Тот закинул на плечо АК-74 и, шагнув вбок, спрятал за спиной руку с вытащенным из кобуры ТТ. – Хозяева, открывайте! Патруль!

– Дорогу видишь? – немного расслабился я, невольно заражаясь уверенностью Кота, что особые неожиданности нам не грозят. Он товарищ тертый, гнильцу какую за версту чует. – Пусть это и сверток с основной, но народ ездит. И засветло не все успевают домой обернуться…

– Думаешь, на постой пускают? – понял мою мысль Ермолов.

– Не без этого, похоже…

– Открывайте, короче! – вновь рявкнул Кот и для убедительности приложил ногой по тяжелым доскам забора.

– Кто там? – Раздавшийся с той стороны ворот голос был дребезжащим, старческим и каким-то очень уж неуверенным. – Чего надо?

– Ты совсем глухой, что ли, дед? – озверел Кот. – Я ж битый час ору – Патруль!

– У нас все в порядке, – уже немного спокойней оповестил

нас из-за забора так и не открывший ворота дедок.

– Безумно рад за вас, – не выдержал Петров. – И чтобы так оставалось и дальше…

– А бумаги у вас есть?

– Ты за кого нас принимаешь? За бухгалтеров? – подошел к воротам Виталик. – Открывай живо!

– Но…

– Открывай, будут тебе бумаги. – Заслышав скрежет вынимаемого из петлей бруса, Петров надавил, и створки ворот чуть-чуть разошлись. – Ну-ка, дед, иди сюда!

Ухваченный за рукав дедок и глазом моргнуть не успел, как очутился за забором в окружении вооруженных парней.

– Белые в деревне есть? – тут же огорошил его вопросом придвинувшийся сбоку Кот.

– Кто?!

– Бандиты.

– Нет. Говорю же – нормально все. Было… – Неведомо как успевший разглядеть нас старик в собачьей шубе до пят и мохнатой собачьей же шапке неожиданно успокоился. – Пока вы не появились.

– Читать умеешь? – сунул ему под нос удостоверение Петров.

– Грамотный, чай. – В отблеске заходящего солнца морщинистое лицо деда показалось желтым. – Патруль так Патруль. Спокойно у нас все.

– Это хорошо, что спокойно, – хлопнул его по плечу Ви-

талик и забрал удостоверение. – Значит, здесь и заночуем.

– Виталь… – тихонько протянул подошедший к нам Стас. И чего ему неймется? Да, солнце еще толком не село, и до Елового вполне добраться засветло успеем, но смысл? Чтобы завтра с утра опять в какую-нибудь дыру загнали? Лучше уж выспаться по-человечески. Работа не волк.

– Проехали, – оборвал парня Петров. – Тебя как звать, дед?

– Иван Петрович.

– Хозяин?

– Хозяин.

– На ночь пустишь?

– Так вы ж все равно не уйдете. – Старик двинулся обратно к воротам.

– Не уйдем, – кивнул шагнувший вслед за ним Петров. – Народу много в доме?

– Сын с семьей, – обернулся к нам Иван Петрович. – Вот что: постелю вам в гостевой, и чтоб на хозяйскую половину ни шагу! Там дети малые, нечего их пугать.

– Заметано, – легко согласился Виталик и кивнул Коту на надворные постройки. – Иван Петрович, пес на цепи?

– На цепи.

– Туалет во дворе? – поежился так и не убравший ТТ в кобуру Кот.

– За баней. – Хозяин дома двинулся через двор. – На ночь ведро снега набрать можете, чтоб не бегать.

– Схожу, отолью, – заторопился Кот.

– Здесь жди, – придержал я сунувшегося было во двор Тополева.

– Чего еще?

– Сейчас парни все проверят, тогда и мы подтянемся. – Я сместился немного в сторону от ворот. – А то мало ли! Как говорит один мой приятель: «Вдруг еще обидится кто».

– Охота тебе задницу морозить, – недовольно проворчал Стас, но послушался. Ну да не маленький, сам понимать должен, что словить пулю или арбалетный болт можно даже в самой, казалось бы, безобидной ситуации.

Не ставшие дожидаться Кота парни зашли в дом, и уже через пару минут Шурик Ермолов выглянул из двери и засемафорил нам:

– Нормуль! Ворота запереть не забудьте.

– А ты боялся! – ухмыльнулся, задвигая брус, Тополь, но развивать тему не стал. И правильно сделал: после дневного маршрута настроение у меня было не очень. А если учесть, что особой сдержанностью я и в повседневной жизни в последнее время похвастаться не мог… М-да, как бы чего не вышло. И Стас-то парень неплохой. Не хотелось бы…

В небольшой прихожей оказалось не повернуться: у одной стены стоял непонятно зачем сюда вытащенный стол, во всю длину второй протянулась завешенная верхней одеждой вешалка. Направо – наглухо закрытая дверь в хозяйскую половину дома, прямо – в небольшую темную кладовку, налево

– в гостевую комнату, к которой примыкала небольшая кухонька.

Обстановки по минимуму, сразу видно, для чужих людей приготовлено. В комнате три кровати, да тюфяки на полу, на кухне – придвинутый к окну стол, вокруг – пять деревянных табуретов. Один угол полностью занимала неоштукатуренная кирпичная печь, накрытая чугунной плитой. На приколоченной к стене полке выставлена посуда, у ржавой мойки приткнулся скособоченный буфет.

– Свет я вам оставляю, – выставил на стол лампаду Иван Петрович. – Если чего надо будет – стучите.

– Обязательно, – встретил его на выходе Кот и, пропустив Стаса, закрыл дверь на крючок. Крючок, надо сказать, довольно хлипкий. – А ты чего так долго?

– Да шнурки заледенели, – пожаловался парень. – Думал, резать придется.

– Валенки надо было надевать.

– Кот, что во дворе? – окликнул его Петров.

– Во дворе чисто. В сарае недавно лошади стояли.

– Может, еще кто на ночевку заглядывал, – пожал плечами усевшийся на табуретку Виталик.

– На хозяйскую половину пустили? – Кот пристроил в угол автомат, но кобуру с пистолетом от пояса отцеплять не стал.

– Нет. Дети, говорит, и бабы перепугаются. Сын батю проверить выходил.

– И как сынок?

– Валенок! – хохотнул Шурик и устроил автомат на захваченный из прихожей полушубок. – Деревня.

– На веревке детской одежды не было, – как бы между прочим заметил Кот, усаживаясь за стол.

– Мало ли, – буркнул Петров, достал из планшета рисованную от руки карту и придвинул к ней лампаду. – Не каждый же день портки стирать.

– Лед, ты что скажешь?

– Скажу, что колдунов там нет. А больше ничего.

– Негусто.

Мысленно согласившись с этим замечанием, я уселся прямо на пол и, положив рядом ружье, прислонился спиной к горячим кирпичам. Хорошо-то как! А то даже ног не чувствую! И пальцы уже почти не шевелятся. Ничего, отогреюсь.

– Сань, не в службу – задерни штору, а то сидим, как на ладони, – блаженно потянувшись, попросил я Ермолова.

Здоровяк потянул хлипкую ткань, и Петров недовольно шикнул на него, когда порыв воздуха едва не задул задрожавший язычок пламени.

– Нападения были здесь, здесь и здесь, – показал он Коту отметки на карте. – Вот тут два раза. В живых никого не оставили. В двух обозах была хорошая охрана, но и это не помогло. Будто кто-то свой.

– Да точно свой кто-то! – сразу же поддержал эту мысль Шурик. – Это и ежу понятно. Дрону делать не фиг, вот он

нас в рейд и услал.

– Все караваны со стороны Елового шли, значит, наводчика там искать надо, – предположил Кот.

– Еловое уже не наша епархия, – покачал головой Виталик. – И три обоза из пяти в Еловое не заходили. Так что этих отморозков с нас никто не снимет.

– А может, их больше было? – задумался я. – Ну, в смысле – нападений. Кто-то мог отбиться и заявлять не стал. А кого-то не нашли до сих пор.

– И что нам это дает?

– Ни фига нам это не дает! – Шурик уселся за стол. – Чего опять за работу начали? Заняться больше нечем?

– В «храпа»? – Кот тут же достал колоду потрепанных карт с засаленными зелеными рубашками.

– Перекусим сначала, – отказался Виталик. – Стас, кликни хозяина, пусть свою задницу сюда тащит.

Слонявшийся по комнате Тополев вышел в прихожую и через пару минут вернулся с нахохлившимся Иваном Петровичем.

– Вы харчами не богаты? – развернулся к нему от стола Виталик. – Нам бы похлебать чего горяченького.

– Платить чем будете? – насторожился хозяин. – Наличными или распиской? Расписку не приму.

– Золотом, золотом платить будем, – успокоил его Петров.

– Спиртного надо? – сразу подобрел старикан.

– Своего хватает. – Виталик вновь вернулся к карте и при-

нялся объяснять Коту: – Смотри, Дрону скажем, что пошли вот этой дорогой, здесь пришлось делать крюк и вернуться засветло уже не успели.

– Тогда получается, нас здесь не было, – хмыкнул парень. – Завтра опять могут погнать.

– Почему не было? С утра заглянули. Мы и в село к полудню только прийти можем.

– Ну, как вариант… А заночевали где?

– Эй, уважаемый, – осмотрев стоявший на умывальнике кувшин с водой, окликнул я замешкавшегося в дверях старика. – А нет ли у вас емкости, спирт разбавить? И водицы холодной заодно?

– Давайте сюда. – Старик забрал у меня стеклянную литровую бутыль с медицинским спиртом. – Как разбавлять?

– Один к одному. – Шурик, который и умудрился неведомо как добыть спирт в медсанчасти, подозрительно уставился на деда. – И если сольешь, голову откручу!

– Больно надо! – Хозяин скрылся в прихожей. – Больно надо…

– Больно, но надо! – хохотнул Тополь.

– Ну, так я раздаю? – вновь начал тасовать карты Кот.

– Да погоди ты! – Я достал с полки граненые стаканы. – Пальцы толком не гнутся, дай хоть согреться.

– Так и скажи, что трубы горят, – усмехнулся картежник.

– Прям, горят, – скривился я. – Замерз, как цуцик.

– Дед идет, – предупредил нас стоявший в дверях кухни

Шурик.

– Спирт. – Иван Петрович выставил на стол запотевшую двухлитровую пластиковую бутыль.

– А горячее? – сглотнул слюну неравнодушный к выпивке Виталик.

– Минут через десять сын принесет, – ответил внимательно оглядывавший кухню хозяин. Боится, что дебош устроим? Или потырим чего?

– Да ты погоди, – остановил деда Кот. – Тут подозрительных личностей не видно было?

– Не считая нас, само собой. – Скрутив крышку, я начал разливать разбавленный спирт по стаканам, но вдруг нахмурился. Понюхал бесцветную жидкость – да нет, спиртом пахнет. Одно непонятно: если спирт водой разбавлять – жидкость, как ни крути, хоть чуток, но нагреется, потому как тепло, по-любому, выделяться в этом случае должно. Химический закон. А тут – пластиковая двухлитровка как из холодильника. Либо с химическими законами завал начался, либо это вовсе не наш спирт. Но запах…

– Не было никого из подозрительных. По дороге, может, и проезжал кто, но к нам не сворачивал.

– Иван Петрович, а выпейте с нами, – предложил я, напряженно размышляя, что именно не нравится мне в этой ситуации. Ну, впарил дед нам вместо качественного спирта какой-то денатурат. Каждый крутится, как может. Не убивать же его теперь за это, с кем не бывает. Но… Вот! Денату-

рат! – Стас, будь добр, достань еще один стакан для нашего хозяина.

– Не пью я, – резко отказался старик. – Возраст не тот.

– Да пять капель, чтоб спалось крепче. – Я набулькал полстакана подозрительной жидкости. – И для здоровья полезно.

– Нет, и не уговаривайте! – Иван Петрович попятился к двери.

– Я понимаю, что мы с вами еще не в том состоянии, чтобы дойти до этого вопроса, – глянув в глаза перегородившему дверной проем Ермолову, улыбнулся я, – но… Вы нас не уважаете?

– Лед, чего пристал к человеку? – одернул меня Петров. – Не хочет…

– А придется, – правильно истолковав мой взгляд, Шурик легонько подтолкнул хозяина в спину.

Тот, споткнувшись, пролетел через кухню и едва не врезался в стоявшего у стены Тополева. Стас непонятно с чего влепил старику правой и завалившийся на спину хозяин рухнул на пол.

– Да что с вами такое? – вскочил на ноги Петров. – Совсем охренели?

– О! Це гарная штука! – присвистнул вдруг Кот, в тусклом свете лампады, разглядевший выпавший из руки потерявшего сознание старика тупорылый револьвер. – Вот дает старый!

– Да он как рванет, и раз – пистолет в руке! – Тополев хлебнул воды из стоявшего на умывальнике кувшина. – Ну, я ему, как учили, прямой в челюсть…

– Готов, – опустившись на колени рядом со стариком, я увидел неестественно вывернутую шею.

– Во блин, не хотел! – расстроился Стас. – Но у него ж волына…

– На хозяйской половине слышно было? – подхватив АК-74, Кот подошел к Шурику.

– Вряд ли, – задумался здоровяк. – Стас его технично завалил.

– Тогда вяжем сына, – сразу просек тему Петров. – Только живым. Неизвестно, сколько там народу.

– Это мы чего? – подавился водой Тополь. – Нашли, что ли?

– Лед?.. – уставился на меня Виталий.

– А че я? Спирт он не наш принес. Ну, думаю, пусть выпьет с нами, а то еще траванемся денатуратом каким.

– Ты свой спирт от чужого уже на глазок отличаешь? – не на шутку удивился Шурик.

– На запах. – Я поднял с пола двустволку. – Сын-то хоть выйдет? Или сразу группа поддержки завалится?

– Выйдет, ситуацию пробить однозначно захотят.

– Стойте, а может, дед просто ствол достал, чтобы мы от него отстали? Сказал, мол, пить не буду – и не буду, – предположил Кот.

– Сам-то веришь в это? – Приоткрыв дверь в прихожую, Шурик выскользнул из комнаты и вновь вернулся уже с нашей одеждой. – Ага, этот божий одуванчик без задней мысли с собой эту дуру взял. Купить нам хотел предложить, наверное. Может, кстати, те караваны вовсе не в Еловом, а здесь останавливались. Тут к ним попутчики напрашивались, и вся недолга…

– Нам-то зачем отраву подсунуть решили? – понюхал стакан со спиртом Кот.

– У нас стволов одних…

– Тихо! Идут…

Несший на подносе супницу с горячим борщом хозяйский сынок даже пикнуть не успел, когда его очень жестко встретили в дверях кухни Кот и Ермолов. Супницу тут же передали по цепочке на стол, а спеленатого парня уложили на пол рядом с мертвым стариком.

– Проверьте кляп, – посоветовал Шурик, прежде чем вернуться к выходу в прихожую.

– Нормально. – Петров подергал торчащую у парня изо рта кухонную тряпку. – Стас, иди к Шурику. Кот, полей его водой. О! Очнулся! Крепкий, зараза.

– У этого финка и ПМ. – Обшарив карманы, я выложил на стол оружие и отметил, как расширились глаза парня, когда он увидел лежащий рядом труп. – И кастет.

– Джентльменский набор, – усмехнулся Виталик. – Слушай сюда! Ответишь на вопросы, доживешь до утра. Не отве-

тишь, начнутся серьезные проблемы со здоровьем, и до утра точно не дотянешь. Два раза один и тот же вопрос не повторяю. Запираться не советую. Усек? Тогда поехали. Сколько там людей и чем вооружены. Что? А кляп! Это не проблема.

Кот приставил к горлу парня его собственную финку и выдернул тряпку.

– Сколько?

– Что вы…

– Заткнись! Сколько?

– Мы…

– Отвечай!

– Я не знаю… – Пару раз получивший по морде парень пытался говорить шепотом, но, судя по бившей его крупной дрожи, нервы у него были на пределе.

– Кляп, – распорядился Петров и забрал у Кота финку. – Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому.

– Да перестань ты, – остановил его я.

– Чего еще? – удивился Виталик.

– Ткнешь не туда, и загнется.

– И что делать?

– Что, что… – Кочергой сбив защелку, я распахнул дверцу печки. – Кляп проверьте, чтоб не заглотил, и суйте руку.

– Добрый мальчик, – странно усмехнулся Кот, но послушался. Впрочем, приводить эту угрозу в действие почти что и не пришлось. Стоило плясавшим на березовых поленьях языкам пламени обжечь пальцы хозяйского сынка, как тот

сразу же начал мычать и трясти головой. – Все, что ли? То-то же.

– Сколько?

– Семеро.

– Оружие?

– Четыре автомата, пять охотничьих ружей.

– Обозы – ваша работа?

– Не понимаю… Ух! Наша…

– С хозяевами дома что?

– Не знаю… Действительно не знаю! Наши здесь с лета, меня тогда с ними еще не было!

– Сейчас все здесь? Не ври только!

– Пять человек в Форт вчера уехали.

– Сюда уходил – подельники твои ничего не заподозрили?

– Нет.

– Сколько окон на той половине?

– Что?

– Окон, мать твою, говорю, сколько?

– Три. Нет, четыре!

– Левые люди на хозяйской части есть?

– Все свои.

– Нашим легче, – прояснивший расклад Петров сунул тряпку в рот мелко дрожавшего парня. – Собирайтесь. Уходить через окно будем. Шур, как соберемся, дверь на хозяйскую половину кочергой подопри. Потом за нами.

– Красного петуха пустим? – догадался Ермолов.

– Ну не врукопашную же с ними. – Виталик осторожно выдавил стекло из рамы. – Кот, этого с собой тащи. Шур, спирт разлей, тряпок возьми, углей из печи. Дом деревянный, много не надо.

– Прямо так и тащить этого гаврика? – глянул на слишком уж легко одетого парня Кот.

– Деда раздень. – Петров выпрыгнул в окно с дробовиком в руках. – Ходу!

Дом горел хорошо. Я бы даже сказал – красиво. И занялся пожар действительно очень быстро. Раз – и полдома в огне. Сообразившие, какая их ждет участь, бандиты не запаниковали, попытались прорваться сразу через все четыре окна, и своего, в принципе, добились – сдохнуть, словив пулю, всяко предпочтительней, чем сгореть заживо.

Как я уже говорил – у всего в жизни есть свои плюсы и минусы. Иногда, правда, люди путают их с большим и меньшим злом, но ведь это с какой стороны посмотреть. Не так ли?

И даже в предстоящем броске до Елового – в темноте, на ледяном ветру, не жравши… и без всякой надежды напиться по возвращении, – при желании можно отыскать положительные моменты.

Как минимум мы до сих пор живы и здоровы. Как максимум… Нет, боюсь, «как максимум» без литра спирта нам сегодня не светит.

Аутодафе

Зависший над горизонтом багровый шар вечернего солнца нашел-таки прореху в затянувших край неба облаках и злорадно слепил глаза. Полозья саней весело хрустели свежевыпавшим снегом, а разгулявшийся с приближением сумерек мороз кусал щеки и нос. Еще и ветер колол лицо острыми снежинками.

Но беспокоило не это. Нет – под сердцем с самого утра поселилось какое-то смутное беспокойство, а внизу груди то и дело начинало противно посасывать. И что самое поганое – особых поводов для беспокойства не было. Наоборот, все складывалось очень даже неплохо. Вот и до села мы уже точно успеваем добраться до наступления темноты – не зря спозаранку из Форта выехали. Подсуетились, сунули на лапу знакомому инспектору Гарнизона и не прогадали. Солнце только садиться начало, а ехать километров десять осталось, не больше.

Ну а погода… А что погода? Погода у нас всегда собачья, другой не держим. Холод – ерунда. Главное до темноты домой добраться. Там отогреемся. По такому поводу и баньку затопить можно, и самогона махнуть. А потом – отсыпаться. Благо мы теперь можем себе это позволить.

– Эй, Поля, да расслабься ты! – Яков спрыгнул с саней и побежал рядом, пытаясь согреться. – Мы сделали это, брат,

сделали!

– Не кажи гоп, – предупредил я его и настороженно огляделся по сторонам, но узкая, укатанная полозьями саней дорога продолжала оставаться пустынной. Кругом заметенные снегом поля – ни кустов, ни оврагов. Для засады место неподходящее. Вот дальше темнеет небольшой лесок – точно такой, как оставшийся позади, – но, даст Бог, прорвемся. – Еще до села ехать и ехать.

– Да перестань ты скиметь, слушать противно, – скривился мой слишком уж самоуверенный компаньон. – Неужели так сложно поверить, что у нас все получилось?

– Оно все так, только…

– Никаких «только»! – решительно рубанул рукой воздух Яков. – Тебя послушать, так нам надо было рыбу перекупщикам сдать. За бесценок.

– Почему за бесценок?.. – Я начал прикидывать наш навар и замолчал. По самым скромным расчетам выручить за воз мороженого окуня в Форте удалось столько, сколько наведывавшиеся в село скупщики давали за четыре. И даже если вычесть потраченные на поездку деньги, оставалось очень и очень прилично.

– Да потому! Потому! – расхохотался Яков. – Пока задницу от печи не оторвешь, никто тебе нормально платить не станет. Так и будешь всю жизнь с копейки на копейку перебиваться. А сейчас мы у Пастухова его улов выкупим – и вовсе деньжат неплохо поднимем.

– Подожди! – оборвал я приятеля. – Ты опять, что ли, в Форт собрался?

– Ну, – кивнул Яков. – А чего кота за хвост тянуть? К середине декабря успеем неплохой капиталец сколотить. До лета хватит!

– Может, не стоит судьбу искушать? – засомневался я. – Нечисть…

– Если все по уму делать, везде засветло добираться успевать будем.

– А на бандитов нарвемся?..

– Да какие еще бандиты? Что им здесь делать? Ну не дураки же они в снегу задницы морозить? – фыркнул Яков. – Ты больше перекупщиков слушай. Они тебе не только про бандитов, но и про ледяных ходоков, и про туманников по ушам напинают. Лишь бы им товар сдал, а сам из села – ни ногой!

– И все же?

– Да прорвемся! – Вытащив из болтавшихся на поясе ножен кавалерийскую шашку, Яков несколько раз взмахнул ею в воздухе. – Несмотря на рваный кед, мы сломаем им хребет!

– Твоими бы устами, – вздохнул я и проверил припрятанный под дерюгу обрез ИЖ-5. Особой уверенности в собственных силах, впрочем, от прикосновения к оружию не появилось: укороченная одностволка шестнадцатого калибра худо-бедно отгоняла оголодавших волков, но против обнаглевших в последнее время бандитов ничем помочь не могла.

– Успокойся! – Яков с самодовольной улыбкой спрятал шашку в ножны, запрыгнул в сани и вольготно развалился на лавке. – Все ништяк!

– Да кто спорит? – пожал плечами я и удивленно уставился на вскочившего на ноги компаньона. – Ты чего?

– У, черт! Накаркал! – в голос взвыл тот и, ухватив вожжи, со всей мочи приложил хлыстом тащившую сани лошаденку по крупу. – Пошла!

Едва не вывалившись из саней, я оглянулся и остолбенел: по дороге за нами неслись трое верховых. Выскочившие из лесочка всадники не жалели лошадей, и по всему выходило, что нам от них не уйти. И даже до леса добраться, скорее всего, не получится. Уж не знаю, сколько бы я так простоял, но отблеск заходящего солнца на обнаженном клинке мигом привел меня в чувство.

– Пошла, пошла! – размахивая хлыстом заорал Яков и, на мгновение обернувшись, рявкнул на меня. – Шмотки выкидывай!

– Может, договоримся? – Перевалив через борт набитый закупленными в Форте товарами мешок, я ухватил следующий тюк. Нет, дурью маюсь – до леса никак не успеваем.

– Свидетелей не оставят… – надсадно просипел мой компаньон, и тут вдруг сани дернулись, да так резко, что меня с тюком в руках бросило на лавку.

– Что за фигня? – сбросив с себя мешок, вскочил я на ноги. Неужели в яму какую угодили?

Все оказалось куда как хуже: обрезавший постромки Яков нахлестывал лошадь, во весь опор несшуюся к спасительному лесу.

– Яша! – во все горло завопил я. – Вернись! Вернись, сука!

Ничего эти крики конечно же не изменили. Моментально понявший, что саням от бандитов не уйти, и оставивший меня на произвол судьбы Яков даже не обернулся. Ладно, мы еще повоюем. В запале я сунул руку под дерюгу и вновь выматерился, когда не обнаружил там обреза. И его упер, гаденыш!

Ухватив валявшийся под лавкой топор, я выскочил из саней и бросился в поле. Вот только вольготно чувствовавший себя на открытом пространстве ветер подчистую вымел снег, и лишь у редких кустов возвышались небольшие сугробы. Не уйти…

Услыхав за спиной хруст наста под копытами, я обернулся и попытался перевести сбившееся от бега дыхание. Один из верховых промчался мимо брошенных саней вслед за Яковом, двое других медленно приближались ко мне.

Не оставят свидетеля?! Никому ж…

Руки и ноги обмякли, поджилки тряслись, но, закусив губу, я еще надеялся на чудо. Ведь не может же все закончиться вот так – посреди этого Богом забытого поля. А жена, а дочь? Они-то как?..

Оскалившийся в жуткой ухмылке бородач замахнулся саблей и направил лошадь прямо на меня. Уж не знаю, на

что он рассчитывал: то ли зарубить, то ли стоптать, но в последний момент я успел рвануться в сторону и увернуться от копыт. Едва не падая, размахнулся топором и впечатал обух чуть выше колена взвывшего от боли всадника.

За спиной громыхнул выстрел, что-то ударило в спину, сбило с ног. Больно не было – будто под наркозом, – но моментально ставшее ватным тело охватила странная слабость. Через силу я попытался подняться, нашарил оброненный топор…

Гул клинка, удар, тьма…

Да – тьма! Тьма распахнула гостеприимные объятья, укутала своим непроницаемо-черным плащом, прогнала прочь боль и страх. И лишь холод оказался ей неподвластен. Стужа впилась своими зазубренными лезвиями в душу, заморозила все, до чего смогла дотянуться, и в конце концов именно ее жгучие ласки вырвали меня из едва не перешедшего в вечный сон оцепенения.

Но и тьма никуда не делась. Еще ничего не соображая, я уперся руками в снег, кое-как поднялся на колени и лишь потом догадался сдвинуть с глаз, видимо, и спасшую мне жизнь ушанку. Светлее стало ненамного, но теперь, по крайней мере, удалось разглядеть затянутое тяжелыми тучами небо и заснеженное поле.

Живой!

Невольно улыбнувшись, я попытался стянуть варежки, но обмороженные пальцы едва шевелились, а правая ладонь,

сжавшая мертвой хваткой топорище, и вовсе не желала выпускать оружие. Неужели пальцы придется ампутировать? Хреново…

Плюнув, я ощупал свободной рукой ушанку и нашарил длинный разрез; потом попытался завести руку за спину, куда угодила выпущенная из охотничьего ружья пуля. Вот только онемевшее от длительного лежания в сугробе тело слушалось плохо, и ничего толком о серьезности ранений выяснить не удалось. Ерунда, главное, что живой.

Кое-как выбравшись на укатанную полозьями саней дорогу, я поплелся к лесочку, в который умчался стервец Яков. Честно говоря, его судьба интересовала меня меньше всего – остался живым, точно глотку вырву! – но не тащиться же к селу напрямик по заснеженному полю? И так сил нет…

Ноги сами несли меня по дороге, и от одуряющей монотонности ломаных движений вновь начало затягивать в липкую яму забытья. Пытаясь хоть как-то сохранить ясность сознания, я принялся считать шаги и невольно пожалел, что совершенно не чувствую боли.

Хотя, с другой стороны, – может, оно и к лучшему? Это сейчас промороженное тело потеряло чувствительность, но когда немного отойду, кто знает – смогу ли сделать хотя бы шаг? Нет, надо спешить. Пока еще не истаяли последние крупинки сил и самообладания.

Шаг. Второй. Третий…

Темное пятно на дороге я приметил на триста сорок вось-

мом шаге. Раскинувший руки человек лежал на спине, снег вокруг был густо забрызган черными брызгами крови. Остановился рядом, посмотрел на изуродованное лицо Якова с запорошенными снежком пустыми глазницами.

Не пошло ему впрок предательство, значит. Не убег. А вдвоем, кто знает, могли бы и отбиться…

И тут только я понял, что на самом деле подняло меня из сугроба и привело сюда. Ненависть. Жуткое желание загнать этого подонка в угол и голыми руками вырвать глотку. Или хотя бы рубить, рубить, пока…

Опустив непроизвольно приподнятый топор, я отступил на шаг назад и потряс головой, прогоняя наваждение. Нет! Хватит! Надо возвращаться домой, надо…

В глазах начало темнеть, и будто пьяный я почти вслепую побрел по дороге. Сознание померкло, и дальнейшее вспоминалось какими-то рваными кусками.

Появляющиеся из темноты ветви деревьев, серая пелена ночного неба, легкая поземка, заметающая черные точки капель крови на раскатанной дороге, темнота…

В какой-то момент поземка окружила со всех сторон, а когда в глазах вновь прояснилось, оказалось, что я умудрился свернуть с дороги и теперь брел по запорошенной снегом тропинке.

Куда это меня занесло?

Но ни сил, ни желания поворачивать назад уже не было. Словно безвольная механическая кукла я переставлял ноги,

надеясь, что вот-вот за очередным поворотом окажется какой-нибудь хутор. И пусть придется потрудиться, убеждая хозяев пустить на ночлег израненного путника, но мне многого не надо – отогреться бы, да перевязать раны. И поспать. Поспать в тепле – лучше прямо у очага.

Холодно…

Но тропинка тянулась среди высокого кустарника и тянулась. Сил давно не осталось, и хотелось только одного – плюнуть на все и завалиться на снег. И лишь нестерпимый холод гнал вперед; да какой-то тихий, но жутко назойливый голосок в голове твердил, что конец пути уже близок. Что следы на заметенной снегом тропинке становятся все отчетливей. И иногда среди них нет-нет, да и мелькают черные пятнышки крови.

Крови?.. При чем тут кровь?

Хриплый лай цепного пса прогнал уже почти было ухваченную мной догадку, и, забыв про все на свете, я рванулся вперед.

Хутора за поворотом не оказалось. Над покосившимся забором торчала одинокая соломенная крыша невысокого домика. Надворные постройки порядком обветшали, снег почти полностью замел хлипкие, скособоченные сарайки, но дом точно не был заброшенным – из печной трубы шел дым. А значит, там должны быть люди. И уж точно – вытопленная печь. А мне сейчас ничего другого и не надо…

Вот только добраться до жилья оказалось непросто – ме-

ня встретила упругая пелена, облепила мокрой простыней, отодвинула прочь. Сразу захотелось убраться отсюда подобру-поздорову, но холод оказался сильнее. Он заставил стиснуть зубы и шагнуть вперед. А потом еще. И еще…

Кобель во дворе, не переставая, заходился хриплым лаем и, когда я протиснулся в щель между створками не до конца закрытых ворот, бросился ко мне. К счастью, цепь оказалась слишком короткой, и едва не удавивший себя сторожевой пес нехотя подался назад.

– Кто там еще? – В доме со скрипом распахнулась провисшая на одной петле дверь. Ухватившийся за косяк бородатый мужик в накинутой поверх рубахи фуфайке с непривычки к темноте сощурился, оглядел двор, но не заметил меня и прикрикнул на собаку: – Трезор, чего разбрехался?..

Я попытался выдавить из себя хоть слово, но лишь невнятно захрипел. Насторожившийся хозяин обнажил длинный тесак и, сильно хромая, спустился с крыльца. Меня бородач пока разглядеть не смог, а вот сам был как на ладони. Перед глазами вновь промелькнуло оскаленное в крике лицо нагнавшего сани бандита и, резко подавшись вперед, я занес над головой перехваченный двумя руками топор. Прежде чем мужик успел хоть как-то среагировать, тяжелое лезвие врезалось ему в левую ключицу, рассекло фуфайку и перебило кость. Даже не ахнув, вцепившийся в топорище бандит замертво повалился на снег.

Едва удержавшись на ногах, я рванул топор на себя, но

деревянная рукоять вдруг выскочила из онемевших рук. И попытка высвободить оружие из тела успехом не увенчалась: лезвие засело слишком глубоко, а разжать вцепившиеся в топорище пальцы мертвеца оказалось слишком сложной задачей. Да моими культями сейчас за топор не больно-то и ухватишься…

Решив не терять понапрасну время, я подошел к приоткрытой двери и прислушался. Слышен был только надсадный хрип цепного пса.

Бежать отсюда надо. Бежать, пока бандиты не всполошились. Добраться до села, собрать мужиков и выжечь эту заразу.

Вот только уходить не хотелось. После короткой схватки по замерзшему телу будто разошлась застоявшаяся кровь, и даже обмороженные пальцы начали худо-бедно шевелиться. Не может здесь много бандитов обитать. Четыре-пять человек максимум.

Но мне, безоружному да побитому, и одного головореза хватит.

Так что – уходить в село?

Не выйдет. Труп подельника они вот-вот обнаружат, а мне точно не убежать. Догонят, навалятся всем скопом и на куски порежут.

Нет – надо воспользоваться подвернувшимся шансом. Надо…

Голова вновь закружилась, мысли пустились в хоровод, и,

толком не понимая, что именно толкает меня вперед, я проскользнул в дом и огляделся.

К моему глубочайшему сожалению в прихожей никакого оружия не оказалось. Немного поколебавшись, я выбрал ту дверь, в щель из-под которой не выбивались неяркие отблески горевших в комнате светильников.

Оставляя по полу снежные следы, прошел через комнату, остановился, удивляясь собственному бесстрашию, и легонько толкнулся внутрь. Незапертая дверь со скрипом распахнулась; стараясь не шуметь, я проскочил в темное помещение и сразу же замер, заслышав чье-то тяжелое и неровное дыхание.

Непроглядная темень в комнате, окна которой оказались наглухо закрытыми ставнями, неохотно растеклась по скудной обстановке серыми волнами, и мне удалось различить лежавшего на панцирной кровати человека. Укрывавшее его одеяло сбилось, и в темноте белела полоса заматывавших грудь бинтов.

Словно потеряв контроль над собственным телом, я отрешенно наблюдал, как моя левая рука зажала рот моментально очнувшегося раненого, а правая изо всех сил стиснула горло. Бандит замычал, попытался высвободиться, но было уже поздно – хрустнула гортань, и еще какое-то время судорожно дергавшийся человек обмяк.

Черт, черт, черт! Что ж я натворил?

Да ладно, туда ему и дорога… Одним меньше.

Спокойная, будто бы и не мне вовсе принадлежавшая мысль подтолкнула к выходу, и я подкрался ко второй двери. К сожалению, нечего было и надеяться застать остальных бандитов врасплох – в коридор выбивалась тоненькая полоска света, да и разговор в комнате шел на повышенных тонах. Жаль только, слов разобрать никак не получалось.

Опасаясь привлечь к себе внимание, я тем не менее легонько надавил на дверь и заглянул в образовавшуюся щелочку.

– Гоша где? – раздраженно потеребил мочку уха мужчина средних лет, сидевший на лавке рядом с открытой печуркой. Так вот и не скажешь, что бандит. Никакой печати порока на лице. Наоборот, очень даже солидно выглядит: широкий лоб, глубокие залысины на висках, светлые волосы коротко подстрижены. Худой только…

– Пошел пса успокоить. – Невысокий парень в ветровке поднялся со скособоченного стула и сунул в печь полено. Этот на бандита как раз весьма и весьма походил. Крепкого сложения, со сломанным носом и плохо зажившим шрамом под левым глазом. На поясе в кожаных ножнах – длинный охотничий нож.

– Так чего эта зверюга до сих пор заливается? – нахмурился пожилой и достал из кармана жилетки золотой портсигар. – Сходи, проверь.

– Да ладно, Штоц, чего еще? – поежился парень. – Сейчас Гоша придет уже…

– Иди. – Названный Штоцем бандит подкинул в печь еще одно полено. – И ружье возьми…

– Черт с тобой! – Прихватив с накрытого прожженной клеенкой стола двустволку, парень направился к выходу.

Нисколько не волнуясь, я дождался, пока он подойдет к двери, и со всего маху толкнул ее навстречу бугаю. Уголок полотна угодил не успевшему среагировать бандиту прямо посреди лба, и парень как подкошенный рухнул на пол.

Запрыгнув в комнату, я рванулся к пожилому, но тот мигом соскочил со стула и вскинул руку. В тусклом свете мелькнуло черное дуло пистолета, громыхнул выстрел, и тут же что-то садануло меня в грудь.

Почувствовав тупой удар, я невольно замешкался, и этим воспользовался сбитый с ног парень. Опершись о пол лопатками, он будто пружина распрямился и приложился ботинками мне чуть выше поясницы. Обстановка комнаты мелькнула перед глазами, а в следующее мгновение я врезался головой в печь.

– Гаси его! – заорал пытавшийся передернуть затвор заклинившего ТТ пожилой, и парень подхватил с пола ружье.

Не теряя времени, я ухватил Штоца за ногу и рванул на себя. Он неловко взмахнул руками, повалился назад и, со всего маху приложившись затылком об угол столешницы, рухнул на пол. Выстреливший дуплетом бандит то ли слишком поторопился, то ли побоялся зацепить главаря, но обе пули прошли выше и впустую вышибли из печи кирпичную крош-

ку.

Заорав что-то матерное, крепыш навалился сверху и выхваченным из ножен охотничьим ножом полоснул меня по шее. Попытка сбросить его на пол оказалась неудачной – бандит придавил мое правое запястье к полу и принялся орудовать клинком. Чувствуя, как меркнет сознание, я свободной рукой выхватил из печи полыхавшее полено и шибанул им бандита по щеке.

Взвыв от боли, тот откатился прочь, но больше ничего сделать не успел – второй удар поленом пришелся по глазам. Кое-как стиснув рукоять отлетевшего к столу ножа, я ткнул парня в горло. Потом переполз ко все еще валявшемуся без сознания главарю и загнал ему меж ребер клинок.

Голова кружилась, от левой руки шел одуряющий запах горелой плоти, но, не чувствуя боли, я заполз на скособоченный стул. Все произошедшее просто не укладывалось в голове.

Сколько раз меня сегодня пытались убить? И сколько человек убил сегодня я сам?

Как такое вообще могло случиться? Словно в дурном сне очутился. И ведь совершенно спокоен сейчас. Такое впечатление – даже пульс не участился. Будто раньше только тем и занимался, что людям глотки резал. Пусть бандитам, но…

И ведь еще непонятно, насколько серьезно меня ранили.

Поразившись неожиданно пришедшей в голову мысли, я поднес к лицу левую ладонь и уставился на прогоревшую

варежку. В нескольких местах сквозь обуглившуюся шерсть виднелась обгоревшая кожа, но боли не было. Боли не было!

Не чувствуя под собой ног, я поднялся со стула и подошел к висевшему в углу зеркалу. В неровных отблесках масляного светильника из-за толстого слоя пыли не сразу удалось разглядеть свое отражение, а когда удалось…

На щеке глубокий порез; шея рассечена; чуть ниже левой ключицы опаленная отметина пулевого отверстия. И нигде – ни капли крови.

Не желая верить глазам, с трудом стянул с головы ушанку и слепо уставился на раскроенный ударом сабельного клинка череп.

И что это значит? Я – мертвец? Живой труп?

Живой – ха! Нет, по всему выходит – мертвее не бывает.

Рухнув обратно на стул, я попытался собрать мысли в кучу и с трудом отогнал подступившее безумие. Желание голыми руками разорвать тела бандитов на куски дурманило мозги, но постепенно удалось взять в себя в руки.

Я – мертв и с этим ничего не поделаешь. Можно кидаться на стены, плакать, выть, но… Но это ничего уже не изменит. Уж не знаю, откуда взялась такая уверенность, только вдруг почудилось, будто время буквально утекает сквозь пальцы. Еще немного – и мою душу окончательно поглотит сущность ледяного ходока.

И что делать?

Как без меня будут жена и дочь? Кто позаботится о них?

Едва удержавшись, чтобы не вскочить со стула и не броситься из дома, я вцепился в край столешницы и заставил себя остаться на месте.

А какие варианты? Собрать с трупов деньги и передать им? Но смогу ли я так долго удерживать под контролем свою новую сущность? Не сорвусь ли в самый неподходящий момент?

В памяти всплыли страшные истории о возвратившихся мертвыми родичах, которые губили свои семьи, и, совершенно отчетливо понимая, что иного выхода нет, я смахнул со стола пузатую лампу. Стекло разлетелось вдребезги, масло залило пол. Тут же полыхнуло чадившее до того полено, огонь побежал по занавескам и сбившемуся с кровати одеялу.

Вскоре вся комната оказалась объята пламенем. Неожиданно для себя успокоившись, я задавил последние крохи сомнений, закрыл глаза и откинулся на спинку стула. Все, чему быть, того не миновать.

И хоть напоследок – немного тепла.

Прощайте… и не поминайте лихом!

Ликвидаторы

Тем, кто бывал в бендежках электриков, связистов и прочего по своей специальности более-менее независимого от непосредственного начальства люда, прекрасно известно, что требование не пить на работе выполняется лишь до тех пор, пока нет подходящего повода. С другой стороны, поговорку «опять нет повода не выпить» никто не отменял. Единственное исключение – это аврал. Когда полетел генератор, оборвало провода, прорвало проходящую в непосредственной близости от кабинета генерального канализационную трубу… Тогда да – тогда руки в ноги и работать. Ну а уж когда напасть миновала, грех не пропустить соточку-другую. Живые ж люди…

Для работников санэпидстанции Форта авральных периодов было два – короткое, но на редкость беспокойное лето и три дня лазурного солнца. Лето – разговор особый. Летом пить приходилось ночью, по дороге домой, ибо рассвирепевшее от непрекращающихся внештатных ситуаций начальство окончательно зверело и, в принципе, было не способно прислушаться к голосу разума. А вот зимой – другое дело. После захода лазурного солнца пили даже те, кто не пил все остальные триста шестьдесят четыре дня в году. Возможности человеческой психики не безграничны, а алкоголем снять стресс проще всего. Вовремя остановиться – вот

в чем вопрос.

В небольшой каморке третьей выездной бригады санэпидстанции Форта витали сизые облака табачного дыма, а концентрация перегара и вовсе была способна отправить неподготовленного человека в нокаут. Понятно, что ничем хорошим для занимавших помещение ликвидаторов такой инцидент закончиться не мог, поэтому дверь была заперта изнутри. Зачем лишний раз искушать судьбу? Начальству же не объяснить, что никто не пьянствует, просто после вчерашнего горят трубы. К тому же ряд пустых бутылок вдоль одной из стен смотрелся несколько вызывающе.

– Чего их на самое видное место выставили? – тщательно тасуя замусоленную колоду карт, пробурчал Виктор Петрович, человек с двумя высшими образованиями, отвечавший в бригаде за приготовление химических составов для выведения всяческой вредной поросли. Ну и за приведение коллег в божеский вид в особо запущенных случаях ответственность тоже лежала на нем. Лет Петровичу было под полтинник, но своим молодым собутыльникам он по количеству принятого на грудь алкоголя обычно не уступал. Вот и сейчас химик оттянул ворот «турецкого» свитера, забычковал беломорину и пригладил насквозь прокуренную всклокоченную бороду: – Ну, наливайте, что ли…

– А куда их? Как прошлый раз в щиток составлять? – огрызнулся резонно отнесший упрек в свой адрес связист

Алекс Шумов, парень лет двадцати пяти, который паяльником ковырялся во внутренностях лежавшего на столе кассетного плеера. – Ты, Борода, хочешь, чтобы опять кого-нибудь завалило?

– Да выкинем сегодня, – начал разливать из литрового стеклянного бутыля по стаканам самогон Антон Василенко. Высокий и всегда подтянутый, по роду своей деятельности он был малопьющим, а потому незамужние сотрудницы СЭС не оставляли попыток его захомутать. Пока что колдуну удавалось выходить сухим из воды, а его напарникам оставалось только удивляться количеству женщин, клюнувших на пшеничные кудри и голубые глаза. – Алекс, ты с нами?

– Ага. – Парень выкинул скуренный до фильтра бычок в мусорную корзину и с сожалением уставился на очередную прожженную дыру в темно-синей фланелевой рубахе с закатанными рукавами. Сам он, хоть и не красавец, на отсутствие внимания женского пола тоже пожаловаться не мог, вот только, в отличие от хитрого хохла, его окольцевать оказалось куда проще.

– Семен?

– Я по пиву, – отказался последний из находившихся в комнате мужчин. Немногим постарше Василенко, плотного сложения, невысокий Семен Лымарь сидел у открытого оружейного шкафчика и чистил с боем добытый со склада гладкоствольный карабин «Сайга-12К». В прошлой жизни Семен успел отслужить во внутренних войсках и повоевать в

нескольких горячих точках и теперь обеспечивал нормальную работу бригады на выезде. Обычно инциденты удавалось разрешить при помощи мата и арматуры, но положиться на эти аргументы можно было далеко не всегда.

– «Балтика девятка»! – хохотнул Виктор Петрович. – «Мы смешали пиво с водкой за вас». Оставь нам на запивон.

– Отвалите. – Лымарь отхлебнул пива из горлышка, зевнул, потер тыльной стороной ладони заросший черной колючей щетиной подбородок и оправил поддетую под расстегнутый китель камуфляжа тельняшку. – Алекс, будет у нас музыка сегодня, нет?

– Будет, будет. – Шумов скрутил несколько проводков, соединяя плеер с проигрывателем грампластинок «Россия». В отличие от стандартной акустической системы, к проигрывателю были подключены сразу четыре стоявшие в разных углах комнаты колонки. – Антон, кинь кассету.

– А не коротнет, как в прошлый раз? – забеспокоился сугубый гуманитарий Василенко.

– Во-первых, в прошлый раз не коротнуло, а выбило пробки. – Алекс запихал кассету в плеер. – А во-вторых, тогда обогреватель подключали. Есть разница?

– Есть. – Виктор Петрович достал новую беломорину и стряхнул крошки с давно уже рыжевато-серой от табачного дыма бороды. – В этот раз точно без премии останемся.

– Ага, щаз! – Шумов включил питание проигрывателя и нажал кнопку воспроизведения на плеере.

– О! Заиграла шарманка, – довольно потер руки Виктор Петрович. – За это надо выпить…

– Если продолжим в таком темпе опохмеляться, то кому-то очень скоро придется бежать за добавкой, – рассудительно заметил разливший по стаканам самогон Антон. – И закуски нет совсем…

– А пусть за бухлом Сема бежит, – предложил Алекс. – Как самый трезвый.

– Вам надо, вы и бегите, – хмыкнул Лымарь. – А закусь со вчерашнего остаться должна была. Вроде к монтажникам за окно уносили.

– Да ну, палиться только, – уныло протянул Василенко. – Опять говорить будут, что все вкалывают, одни ликвидаторы квасят. Причем именно третья бригада.

– Кто? Кто вкалывает? – со стаканом в руке вскочил на ноги Виктор Петрович. – Это они вкалывают?! Пусть в ОЗК разок подвал обработают!

– Петрович, – помахал перед лицом ладонью, разгоняя папиросный дым, Семен, – ты никогда сигареты с ментолом не курил?

– С чего вспомнил-то? – удивился химик.

– Да от них вони меньше должно быть. – Сам Лымарь не курил, но у других эту дурную привычку, в принципе, терпел. По крайней мере, пока кто-нибудь не начинал выдыхать дым в его сторону. – И послушай, как душевно поют: «Дым сигарет с ментолом…». А ты беломориной дымишь…

– Чего-то плеер тянет. – Алекс прислушался к слишком уж протяжному завыванию вокалиста. – Надо пассики подтянуть.

– Хорош! – забеспокоился Антон. – Ты прошлый раз на свой день рождения уже подтянул. Паяльником! Месяц потом без музыки сидели.

– Хоть от воя этого отдохнули. – Виктор Петрович, не дожидаясь собутыльников, замахнул самогона. – А ты, Семен, еще насчет папирос ворчать будешь, завтра самосада принесу! Очень его мои соседи уважают. Ладно, пойду до монтажников.

– Сиди, – остановил бородача Василенко, с общего согласия тянувший лямку бригадира. – Не драконь начальство.

– Да прям! – усмехнулся Петрович. – Можно подумать, кто-то работает! Лазурное солнце вчера зашло!

– Это у нас теперь каникулы, – согласился с Антоном Лымарь. – А монтажники по Форту мечутся, сети восстанавливают. В этот раз – обрывов без счету.

– Да и начальство нынче злое, – кивнул Алекс и, шумно выдохнув, выпил уже порядочно нагревшийся самогон. На счастье плеера следующая мелодия оказалась более ритмичной – «Божья коровка» запела о гранитном камушке, – и Шумов решил пока с ремонтом повременить.

– Чего так? – удивился Антон.

– Вы не слышали, что ли? – Связист начал сворачивать шнур паяльника. – Воевода себе башку прострелил. Вроде

как самоубийство.

– Тяжела шапка Мономаха, – крякнул Виктор Петрович.

– Ну и? – Лымарь убрал карабин в оружейный ящик и начал выправлять слегка зазубренное лезвие туристического топорика. – Нас это каким боком?

– Нас никаким, – согласился Шумов. – А начальству с новым боссом мосты наводить придется. А то закроют финансирование и все дела.

– Не закроют, – задумался Василенко. – Ситуация сейчас не та. Но вот кто деньги пилить будет…

– Да они давно уже все снюхались, – махнул рукой Семен. – Одна шайка-лейка!

– И пес с ними! – Химик поболтал бутылкой с плескавшимся на донышке самогоном, осмотрел скудную закуску – пару кусочков черного хлеба, привозную банку шпрот и последнюю вареную картофелину, – досадливо поморщился и бухнулся на стоявший у стены диван с продавленными пружинами. – Эх, мне свояк с Нижнего хутора такой копченой рыбы привез! Лещ! Жирный…

– Ну и чего не притащил? – расстроился Лымарь.

– Так мы его уже, сразу… – причмокнул мечтательно вздохнувший Петрович.

– Слушайте, никто не займет на пару дней? – Алекс выудил из банки последнюю шпротину. – Я в понедельник аванс выпишу…

– Ты, блин, нашел у кого спрашивать! – рассмеялся Ан-

тон. – Попробуй у связистов. Может, не все еще пропили.

– Новый год скоро, – вздохнул Семен. – А праздника совсем не чувствуется…

– Правильно, если эту гадость пить, какой праздник? – Алекс облизнул пальцы. – Смотри, на стопочку есть еще.

– Не, чего-то у меня почки побаливают, – сознался Лымарь. – Повременить надо.

– А знаешь, почему у тебя почки болят? – оживился Антон.

– Почему?

– А потому что их две, – на полном серьезе заявил Василенко. – Вот останется одна – сразу в авральном режиме начнет работать и болеть ей уже некогда будет.

– А вторую куда девать? – подыграл колдуну Алекс.

– Продадим, – не задумываясь, предложил бригадир.

– А чего мелочиться? – Виктор Петрович взъерошил бороду. – За печень тоже неплохие деньги дают.

– Печень – она же вроде одна? – удивился Алекс. – Или она ему без надобности, все равно не пьет?

– Печень можно отрезать, она до нормальных размеров разрастается, – с видом знатока заявил химик и закурил третью папиросу подряд. – Итого у нас есть одна почка и частично печень. Неплохая прибавка к зарплате!

– Еще яичко можно продать, – щелкнул пальцами Алекс. – Сема, тебе же для друзей не жалко?

– Или оба, – кивнул Василенко. – Сем, да ты не пережи-

вай, живут же люди…

– Вы б сменили тему, ребята, – Лымарь взвесил в руке топор. – А то еще неизвестно, у кого что вырежут!

– Злой ты, – вздохнул Василенко. – Кто-нибудь слышал – до праздников деньги дадут?

– Ага, догонят и еще раз дадут, – усмехнулся Алекс. – Блин, Антон, ты какую кассету подсунул? Ничего старее найти не смог?

– Да нормально. – Семен кинул на пол промасленную тряпку и с довольным видом подпел исполнителю:

Капитан Каталкин – козырной валет,
Капитан Каталкин – черный пистолет,
Капитан Каталкин – зоркие глаза,
Нам с тобой – защита, мафии – гроза!..

– Не, давайте «Агату Кристи» поставим, – начал перебирать кассеты Шумов. – Или «Сектор Газа».

– Чтоб у меня голова опять опухла? – недовольно пробурчал с дивана Виктор Петрович. – Смерти моей хочешь?

– Какие же вы нудные, – тяжело вздохнул Алекс. – Слушайте, а чего там у Пентагона происходит? Штурмовали вроде?

– Дружинники отошли, – Семен убрал пустую бутылку из-под пива за оружейный шкаф. – Меня вчера прямо из дома выдернули сетевиков на Юго-восток сопровождать.

– Ну и как там?

– Нормально.

– В «Берлогу» идем вечером? – неожиданно предложил Василенко.

– Оба-на! – уставился на него Лымарь. – Ты со своей фифой разругался, что ли?

– Не-а, их в «Черный квадрат» на казарменное перевели, – погрустнел Антон. Он уже с месяц крутил роман с одной из валькирий – девушкой в высшей степени привлекательной и эффектной, – чему холостые мужики СЭС нескрываемо завидовали. Женатые, впрочем, тоже. – На праздники, может, отпустят…

– Смотри, найдет себе урода какого-нибудь, – не удержался от подначки Семен.

– На себя, что ли, намекаешь? – не остался в долгу колдун. – Так что насчет «Берлоги»?

– Я – «за», – поддержал идею Виктор Петрович.

– Почему нет? – пожал плечами Лымарь. – Алекс?

– Не, мне сегодня домой надо, – отказался тот.

– Хорош, мы ненадолго, – прицепился к нему Антон.

– Не могу. Да и денег нет.

– Я тебе до понедельника займу.

– Ну, если ненадолго…

– Кстати! Мы на работе-то Новый год справлять будем? – Семен запер оружейный шкафчик.

– Да надо бы, – задумался Василенко. – Только никого не зовем! Своей компанией.

– А может, контролерш пригласим? – подмигнул ему Лымарь. – Людка-то давно тебе глазки строит.

– Подумаем, – хмыкнул бригадир и достал пачку. В отличие от химика, он папиросами не увлекался, но по старой привычке отрывал у сигарет фильтры.

– А пить чего будем? – оживился Виктор Петрович. – Лучше бы, конечно, водку, но хорошую можем и не достать.

– Да время есть еще, – не стал загружаться по этому поводу Лымарь. – Решим.

– Все, я это слушать не могу! – Алекс выключил плеер. Последняя композиция – что-то насчет «и целуй меня везде» – окончательно его добила.

– В тишине сидеть будем? – дотянувшись до стола, Виктор Петрович ухватил колоду карт. – В «дурака»?

– Раздавай! – согласился Лымарь.

– Я – пас, – заявил Алекс и вытащил из сумки обмотанный скотчем ноутбук с торчавшими с торца проводами и разбитым дисплеем.

– Работает? – уставился на чудо техники химик.

– Почти. – Шумов достал набор отверток и нож. – Но не совсем…

– Петрович, раздавай! – поторопил напарника Антон.

Алекс тем временем открутил винт, намертво фиксировавший отсек с аккумулятором. Вставил в до неузнаваемости перепаянные контакты неведомо где раздобытую энергетическую батарею к чаромету и задвинул крышку обратно.

Вынутый из чехла на поясе потертый и поцарапанный мобильный телефон тоже имел непредусмотренные оригинальной конструкцией дополнения: выведенные из него на месте отсутствующего аккумулятора клеммы оказались соединены с торчавшими из ноутбука проводами за считаные минуты. Воткнуть странного вида шлейф тоже оказалось несложно.

– Ну вы, господин хороший, и чудило! – прокомментировал Лымарь манеру игры зашедшего с козырной семерки Виктора Петровича и принял карту. – С большой буквы «М». Не лезет больше.

– Держи. – Василенко скинул последние две карты – пару десяток.

– Легко! – Химик побил заход парой дам и, широко улыбаясь, выложил на плечи Семена по шестерке. – На погоны!

– Пошел ты! – Лымарь сбросил карты на стол и обратил внимание на возившегося с ноутбуком связиста. – О, блин! У тебя сколько дюймов экран? Три?

– Не, Алекс, в самом деле, – присоединился к нему Антон, – неужели так сложно нормальный ноутбук найти?

– Сложно! – уставился на них Шумов. – Да! Сложно. Вы думаете, их вагонами завозят? Да ни фига подобного! И большинство тех, кто сюда попадает, или сразу выкидывают, чтоб лишнего не тащить, или скупщикам у юго-западных ворот сдают.

– Их еще покупает кто-то? – удивился Виктор Петрович.

– Берут. – Алекс стряхнул пепел в обрезанную жестянку

из-под пива. – Конторы, у которых доступ к нормальному электроснабжению есть, скупают. Мобильники в основном на запчасти к чарофонам идут.

– Я тоже свой по дешевке сдал, – расстроился Семен. – Только на пообедать и хватило.

– За чечевичную похлебку практически, – усмехнулся химик.

– Петрович, ты наехал, что ли? – Лымарь обернулся к бородачу. – Ты ж меня сейчас в евреи записал?

Утопив кнопку питания ноутбука, Алекс аккуратно положил телефон на стол и, дождавшись, когда загрузится операционная система, начал водить по дисплею стилом. Некоторое время ничего не происходило, а потом из заметно похрипывавших встроенных колонок донеслась какая-то едва слышная мелодия.

– Да ну на фиг! – подскочил к связисту Василенко. – Работает?

– А то! – гордо заявил Алекс и воткнул в ноутбук штекер с уходившим к проигрывателю проводом. – Сколько сейчас за приемник ломят? Да еще и абонентскую плату дерут. А тут своими руками – все забесплатно!

– Ты, получается, чарофон подключил? – сообразил Антон. – А управление через сенсорный экран?

– Точно, – кивнул Шумов, подкорректировал какие-то настройки, и звук очистился от сторонних хрипов.

– Приветствую всех слушателей нашей волны! Для тех,

кто в танке, напоминаю: говорит Форт! А пытаться настроиться на что-то другое, значит, совершенно впустую потратить несколько часов вашей жизни. Да, конкурентов у нас нет и в ближайшее время не предвидится, а поэтому предлагаю расслабиться и получать удовольствие от хорошей музыки. «Дискотека Авария» – «Новый год»!

Стук в дверь на фоне заводной мелодии как-то потерялся, и внимание на него обратили, только когда по железному листу начали пинать ногой. Сделать вид, будто никого нет дома, мешала музыка, да к тому же внутрь ломился явно кто-то из своих. Всем остальным тут сегодня точно делать нечего.

Кинув сигарету в пепельницу, Василенко лязгнул запором и распахнул дверь:

– Какого?.. Здравствуйте, Виталий Максимович!

Заместитель директора санэпидстанции и по совместительству куратор ликвидаторов Виталий Жуков, не дожидаясь приглашения, шагнул в бендежку и сказал всего одно слово. Одно короткое слово. Всего одно. Но таков уж великий и могучий русский язык, что эти шесть букв в полной мере выразили все удивление открывшейся ему картиной и категорическое неприятие текущего положения дел.

– По маленькой? – Лымарь как ни в чем не бывало, подхватил со стола бутылку самогона. – За черный полдень? Нет? Ну, тогда хоть бутерброд?

– Антон, выйди, – развернулся Жуков.

Василенко показал кулак сделавшему честное лицо Лы-

марю и поплелся вслед за куратором.

– Пипец! – тяжело вздохнул Шумов, забрал у Семена бутылку и разлил остатки самогона себе и Виктору Петровичу. – Все, плакала наша премия…

– А мне? – постучал пустой стопкой по столу Лымарь.

– Ты ж не пьешь? – уставился на него Алекс.

– Я?! – безмерно удивился Семен. – Кто тебе такую глупость сказал?

– Ладно, проехали. – Связист отлил из двух стаканов в третий и, чокнувшись со стоявшими на столе стопками, выпил. – Виктор Петрович, все равно спалились, айда до монтажников?

– Давно пора… – кинул химик.

– Все, завязывайте, – заскочил в каморку красный как рак Василенко. – Срочный выезд!

– Да ну на фиг! – возмутился Лымарь. – Какой выезд? Мы пятеро суток без продыху отпахали.

– Шевелитесь. – Антон отпер шкафчик с колдовскими принадлежностями. – Какое-то серьезное ЧП стряслось!

– А мы тут при чем? – одернул свитер Виктор Петрович. – Пусть Шахрая вон напрягают.

– Первая бригада еще с промзоны не вернулась. – Василенко высыпал на стол пригоршню амулетов. – Во второй – колдун в больнице. Откат словил. Так что, кроме нас, некому.

– Премии не лишат? – на всякий случай уточнил расстег-

нувший молнию рюкзачка Шумов.

– Если в десять минут уложимся – нет. Виктор Петрович, сообразите что-нибудь мозги прочистить, а?

– Пацаны, ходу! – подскочил к оружейному ящику Лымарь.

– Сейчас все будет, – химик вытащил из-под дивана картонную коробку, забитую разнокалиберными пузырьками. Взял со стола пустой стакан, смешал в нем добрый десяток ингредиентов, под конец капнул нашатыря и осторожно отпил. – Фу!..

Виктора Петровича скрутила короткая судорога, лицо перекосило, но почти сразу он облегченно передохнул.

– По глотку? – Алекс взял протянутый стакан.

– Хочешь – два сделай, – разрешил химик.

– Не хочу. – Шумов заранее сморщился, выпил, с трудом сдержал рвоту и передал микстуру дальше. Вещь оказалась на редкость противная, но сейчас без экстренного протрезвления было не обойтись: пока в голове играет хмель, на выезде делать нечего.

– Мне кажется или она с каждым разом все омерзительней становится? – пожаловался Василенко, которого перекорежило от пронзительного привкуса маринованной почки бархатника.

– Так и есть, – поддержал его Семен. – Только печень садим…

– А не пейте водку, печень садиться не будет, – фырк-

нул Виктор Петрович, распихивая по многочисленным карманам и кармашкам длинного пальто разной степени заполненности бутыльки. Оставшиеся препараты он уместил в потертом кожаном саквояже, потом сунул в карман варежки, нашел валявшийся на полу шарф и с облезлой ушанкой в руке направился к выходу. – На свежем воздухе вас ждать буду.

– Водка – это зло! – Алекс зажал ладонями раскалывающиеся виски, мотнул головой, как обычно опасаясь, что она треснет. Но нет, боль отступила. Вместе с болью выветрился и хмель, и только моментально пересохшее горло напоминало о слишком уж затянувшейся опохмелке. Парень поднял с пола полторашку, хлебнул воды и начал осторожно убирать в темно-синий рюкзачок ноутбук и разнообразные измерительные приборы.

– Держи! – Антон сунул ему до блеска отполированную и покрытую лаком деревяшку. – Опять потеряешь – из зарплаты вычту.

– Да прям, – хмыкнул закинувший за спину рюкзак Шумов и опустил служебный оберег в карман фуфайки. – Какой интенсивности выброс-то?

– Неизвестно. – Василенко направился к двери.

– Блин! А измерить не судьба? – с досады выругался связист.

– Пробовали. Аппаратура на раз сгорела!

– Ну ни фига себе! – почесал затылок Шумов. – А где хоть? На северо-востоке?

– В «Кишке», Алекс, в «Кишке», – обернулся Василенко. – Чуешь, чем пахнет? То-то же! Семен, догоняй.

Заперев оружейный шкафчик, Лымарь сунул в петлю на поясе топор, с другой стороны приладил ножны с тесаком в локоть длиной и, подхватив патронташ, с ружьем в руках отправился вдогонку за коллегами.

В «Кишке» – тянувшейся вдоль Красного проспекта сети бывших бомбоубежищ и подвалов, соединенных темными переходами и превращенных в весьма популярный торгово-развлекательный комплекс, людно было всегда. Утром, вечером, глубокой ночью в подземных закусочных и магазинчиках постоянно толпился народ. Летом, конечно, многие перебирались на открытый воздух, но большинство завсегдатаев оставались верны своим предпочтениям.

Что привлекало в этих полутемных норах людей? Мнимое чувство безопасности? Неплохой выбор всего и всея? Уличные представления и бренчавшие на гитарах музыканты? Или просто в этом месте было немного теплее, чем на улице? И хоть на время забывались порядком опостылевшие снег и пронизывающий насквозь ветер?

Да кто его знает? Каждый сам для себя отвечал на этот вопрос. Многие и вовсе не могли понять, отчего их вновь и вновь тянет спуститься под землю. Отдельные чудаки годами жили в подземелье, не видя солнечного света и не очень-то переживая по этому поводу. Впрочем, некоторые из тех,

кто спускался в «Кишку», и вовсе никогда не поднимались обратно.

Вечный круговорот людей, огни рекламных надписей, аромат только-только приготовленной снеди, ни на минуту не смолкающие гомон, музыка и крики. Кому-то это место могло напомнить сумасшедший дом, и, возможно, этот «кто-то», сам того не ведая, был не так уж и далек от истины.

И что интересно – такое сравнение не столько отпугивало людей, сколько служило неплохой рекламой. Каждому иной раз хочется позабыть беспросветную унылость бытия и хоть на время окунуться в непрекращающийся праздник жизни. Тем более раз в год, в черный полдень, для этого имелся весьма весомый повод: поддерживаемая колдунами Гимназии защита Форта начинала трещать по швам, а в подвалы не проникали даже отголоски магической бури.

– Слушай, я чего-то не понял, – придвинулся к Василенко, внимательно оглядывая столпившихся в тесном коридорчике людей, Алекс. – Нам что – туда?

Удивление его было вполне объяснимо: если и могло какое-либо заведение похвастаться репутацией еще более противоречивой, чем сама «Кишка», то только широко известный в узких кругах «Западный полюс». Нет, заглянуть туда мог любой житель Форта или гость этого затерянного среди заснеженных пустошей городка, но вот стать завсегдатаем… Чтобы стать завсегдатаем, необходимо было как минимум обладать какой-либо паранормальной способностью.

Быть уником – человеком, которому посчастливилось в результате мутации стать не уродом, а хоть и урезанным, но все же вполне жизнеспособным подобием колдуна.

Чужих в свои дела эти люди обычно не посвящали, и если у них и возникали какие-то проблемы, то решались они собственными силами. По-семейному. А тут вот…

– Угу, – тихонько промычал Антон. В отличие от связиста, его больше заинтересовала дверь развлекательного заведения. Выполненный в виде глаза рептилии дверной глазок оказался разбит, и потеки вытекшей из него жидкости весьма и весьма напоминали самую настоящую кровь.

– Ну, чего ждем-то? – недовольно пробурчал дымивший папиросой Виктор Петрович. – Сорвали непонятно зачем!

– Петрович, давай потише, – тронул его за плечо прислонившийся к стене Лымарь. – Вон помощник Жукова стоит, уши греет.

– Да я сейчас этому стукачу!..

– Спокойно, – обернулся к бородачу Василенко. – Не на людях. Загребут в холодную.

– Понял, не дурак, – кивнул Петрович, окидывая взглядом набившихся в подвал дружинников.

– О! Движуха началась! – обрадовался Алекс, когда, довольно бесцеремонно расталкивая людей, к двери подошли несколько начальственного вида деятелей.

Из знакомых был только Жуков, который что-то пытался объяснить не шибко внимательно прислушивавшимся к его

словам собеседникам. Узкоглазый, невысокий капитан Дружины с трудом сдерживал зевоту и поглядывал на часы; худощавый, с болезненной желтизной лица старик демонстративно отвернулся; а молодой парень в длинном, до пят кожаном пальто то и дело пытался перебить не на шутку разошедшегося заместителя начальника СЭС.

– Излучение там такое, что аппаратуру зашкаливает! – игнорируя всякие попытки вставить хоть слово в свой монолог, распалялся Жуков. Вообще, у парня в кожаном пальто не было ни единого шанса: заткнуть Жукова не всегда получалось даже у его непосредственного начальника. – Только людей зря погубим! Если вам своих не жалко – вперед, но я предупреждаю: неизвестно чем закончится такая попытка. Как бы хуже не вышло. Надо поставить датчики и законсервировать объект. Спадет магическое напряжение, будем решать вопрос о санации.

– Законсервировать? – поморщился старик. – Да вы представляете, сколько мы теряем из-за простоя соседних помещений? Мы так в трубу вылетим! Или снимайте оцепление, или решайте эту проблему немедленно!

– Оцепление не снимем, – отрешенно заметил капитан.

– Ваша позиция, товарищ Ханин, мне прекрасно известна! И будьте уверены, я еще побеседую по этому поводу с вашим руководством! – вспылил старик.

– Флаг вам в руки, – не остался в долгу дружинник.

– Ян Карлович, не кипятитесь, – попытался успокоить

представителя Торгового союза Жуков. – Сегодня-завтра ситуация стабилизируется, начнем открывать доступ в оцепленные помещения…

– Может, обойдется? – с надеждой глянул на бригадира Алекс.

– Это как Стрельцов решит, – тяжело вздохнул Василенко. – Ну, тот конь в кожаном пальто. Большая шишка в Гимназии!

– Вы понимаете, что вопрос нельзя ставить таким образом: рассосется само или не рассосется? – перебил Стрельцов представителя Торгового союза, начавшего рассуждать об арендных ставках и договорных обязательствах. – У нас есть непонятная энергетическая аномалия в самом центре Форта. А если излучение вверх долбанет?

– Пока не долбануло же, – не очень уверенно возразил Жуков. – Да и датчики…

– Датчики это хорошо, но из-за этой хрени на поддержание защиты Форта уходит на порядок больше энергии, чем обычно! А люди еще от черного полдня не отошли. Вы, вообще, понимаете, что в любой момент магические потоки могут наложиться и срезонировать? И что тогда? Ложиться и помирать?

– Так, понимаю, начинаем операцию? – оживился капитан.

– Да, – не терпящим возражений тоном заявил колдун.

– Командиры групп! Сбор через пять минут! – громогласно объявил Ханин и обернулся к недовольному решением колдуна Жукову: – Задачу сами ставить будете?

– Нет, пойду размещение измерительной аппаратуры контролировать. – Заместитель начальника санэпидстанции направился к отгородившим себе закуток технарям и, проходя мимо Василенко, негромко заметил: – Ну, ты уж нас не подведи…

– Постараемся, – без особой уверенности в голосе ответил Антон и локтем толкнул Шумова в бок: – Чего это балбесы из техподдержки там накрутили?

– Они в режиме реального времени уровень излучения сканируют, – предположил давно уже присматривавшийся к аппаратуре коллег связист.

– А чего проводов так много?

– Защиту по максимуму выставили.

– Ладно, ждите тут. – Заметив, что к оставшемуся в одиночестве капитану подтянулись товарищи по несчастью, Василенко тяжело вздохнул и направился к тихонько переговаривавшимся между собой парням.

– Ну что, все в сборе? – Ханин заглянул в блокнот и машинально потер карандашом подбородок. Чуть выше начиналась едва поджившая царапина, тянувшаяся по широкой скуле мимо левого глаза к виску. – Вы знакомьтесь пока, что ли…

– Артем Шилов. – Среднего роста парень в кожаной куртке, черных джинсах и высоких зимних ботинках демонстративно сложил на груди руки и ни с кем здороваться не стал. Короткий ежик волос был обесцвечен, в левом ухе – три серебряных серьги с какими-то алыми камушками. К пирсингу он, надо сказать, был неравнодушен: Василенко насчитал штук десять вживленных в тело кристалликов, до последнего карата наполненных магической энергией. О! И на всех костяшках еще? Нет, с таким действительно лучше не здороваться. – Гимназия.

– Петр Зубко, Дружина. – Старшина в тулупе, на нашивках которого алели четыре треугольника, стянул шапку-ушанку и протянул руку высокому конопатому парню в зимней спортивной куртке: – Привет, Гриш.

– Привет. Давно не виделись, – ответил на рукопожатие Конопатый и поправил перехватывавшую длинные волосы спортивную повязку. Острый, слегка задирающийся вверх нос ощутимо искривлялся влево, и из-за этого невольно создавалось впечатление, что парень постоянно корчит рожи. – Григорий Кузьминок, контрразведка.

– Антон Василенко, санэпидстанция, – последним представился бригадир ликвидаторов.

– Не буду ходить вокруг да около, работы по горло. – Капитан Дружины, сделав какие-то отметки, закрыл блокнот. – Задача перед вами стоит простая: пойти в «Западный полюс» и ликвидировать прорыв магической энергии. По-

скольку предыдущая команда не вернулась, для огневой поддержки будет привлечено отделение дружинников под командованием старшины Зубко.

– Кто в группе главный? – без особого почтения перебил капитана прислонившийся к стене гимназист.

– Заместитель начальника отдела контрразведки Григорий Кузьминок. – Ханин указал на Конопатого. – С повышением вас, кстати, Григорий Алексеевич.

– Да и вас, Владимир Михайлович, слышал, поздравить можно, – столь же неискренне улыбнулся в ответ Григорий. – А что, вторую шпалу времени прицепить не было?

– Дела, дела, – вздохнул оказавшийся майором капитан. – Но мы отвлеклись, вернемся к нашим баранам. Основная нагрузка по ликвидации прокола ложится на специалистов СЭС. Товарищ Василенко, насколько я понимаю, вам с такими проблемами сталкиваться не впервой? Справитесь?

– Поживем, увидим, – пожал плечами Антон. – На месте определимся.

– На месте определяться уже поздно будет, – покачал головой Ханин. – Нас уверили, что на задание отправят лучших ликвидаторов. А тут вдруг такие сомнения…

– Я своим делом не первый год занимаюсь. – Василенко мрачно уставился на дружинника, у которого вновь начала болеть голова, и поэтому он, не заморачиваясь, выдал стандартную заготовку для вызова на ковер к начальству. Если у своих прокатывает, то тут тем более ничего нового выдумы-

вать не стоит. – И единственное, что могу сказать со стопроцентной уверенностью: ни один прокол подобной интенсивности не похож на другой. Возможно, мы справимся сами, возможно, понадобится дополнительная аппаратура или помощь Гимназии. На текущем этапе сделать достоверные выводы о сложности стоящей перед нами задачи не представляется возможным. Ясно?

– Ясно, что ничего не ясно, – скривился Ханин. – Не будем терять время. Десять минут на сборы и вперед.

За время совещания ведущий ко входу в «Западный полюс» коридор изменился до неузнаваемости. К разделившей его напополам стеклянной перегородке протянулись пучки проводов, за ней пол, стены и потолок выкрасили белой краской и сейчас поспешно выводили черную вязь магических символов. Да и сама перегородка оказалась не из простых: внутри толстых стекол растеклись расплавленным серебром колдовские руны. К стенам ее прикрепили просто намертво – руководившие установкой гимназисты вплавили железную раму в бетон.

– Антон, да? – Старшина догнал уже направившегося к бригаде Василенко и пошел рядом. – А вы ликвидаторы – в смысле людей ликвидируете или как в Чернобыле?

– Как в Чернобыле.

– Это хорошо, – кивнул дружинник и направился к своим людям. – Людей мы и сами можем…

– Ну и как? – первым метнулся к бригадиру Алекс. Лымарь продолжил доводить точильным бруском один из карманных ножей, Виктор Петрович смолил очередную папиросу.

– Пошли, давай! – Василенко подхватил оставленную под присмотром коллег сумку. – Будем устранять.

– Что? – Семен убрал в карман сложенный нож.

– Как обычно – что найдем, то и устраним, – тяжело вздохнул бригадир. – Давайте короче, нас ждать не будут.

– Да оно бы и к лучшему, – огладил ладонью бороду Петрович.

– Живее, – не оценил шутки Василенко и направился к перегородке, возле которой уже толпились подгоняемые старшиной дружинники.

Серебристая дверная ручка неожиданно сильно обжигала ладони холодом, за перегородкой и вовсе оказался настоящий морозильник. Все сразу засуетились и принялись натягивать варежки и шапки.

Успевший перекинуться парой слов с Петром Зубко контрразведчик внимательно оглядел явно похмельных ликвидаторов, но комментировать увиденное не стал. Если руководство считает этих клоунов лучшими, значит, так оно и есть. Серьезность ситуации все прекрасно понимать должны, не маленькие.

Вот только вид откомандированных работников санэпид-

станции оптимизма не внушал. Оборвыши какие-то, галдят, суетятся…

Провонявший табачищем бородатый мужик в валенках, ватных штанах и обтрепанном пальто. Саквояж, тот и вовсе давно пора на мусорку выкинуть.

Крепыш в камуфляжном полушубке и собачьих унтах, с торчащей из голенища рукоятью засапожного ножа. Одним клинком этот тип не ограничился – пара в ножнах, приторочённых к правой штанине, по одному на левом предплечье и у нагрудного кармана. Плюс топор и тесак на поясе. Явный перебор.

Среднего роста парнишка в линялой фуфайке, высоких зимних ботинках и облезлой ушанке. За спиной – аляповатый рюкзак, из-под воротника на проводе свешивается черный кругляш наушника. Представитель прогрессивной молодежи?

Сам бригадир тоже – ни рыба ни мясо. Да, колдун, да, обучение в Гимназии прошел. Но заклинатель-то слабенький. Нет, энергетически линии ощущать или защиту от магического излучения выставить – это еще куда ни шло, а вот шаровой молнией кого на куски разметать – уже не выйдет. Поэтому, судя по наспех просмотренному досье, его в СЭС и сплавили.

Другое дело – Шилов. Этот как раз и более опытным мастерам по боевой части фору даст. Пол-Форта, конечно, по бревнышку не раскатает, но пару кварталов – вполне может.

Да только и он выше головы не прыгнет: его конек – боевые заклинания, во всех остальных областях любой первокурсник Гимназии уделает. Лучше бы, конечно, более сбалансированного специалиста в команду заполучить, да только большинство гимназистов сейчас или в лежку после черного полдня лежат, или городскую защиту поддерживают. Повезло еще, что Шилова выделили.

Вот за кого можно не волноваться, так это за Зубко и его парней. Хохол и сам человек бывалый, и парней на операцию под стать себе подобрать должен был. Сколько их, шестеро?.. Уже неплохо. Да только автоматы не все проблемы, к сожалению, решить могут.

– Все готовы? – посмотрев на часы – без четверти три, – уточнил Конопатый, поправил ремень свисавшего с плеча АКСУ и повернулся к ликвидаторам: – Вы так и пойдете?

– В смысле? – уточнил, снимая с предохранителя «Сайгу», Лымарь. А вот его коллеги никакими приготовлениями заниматься не спешили.

– Ну, приборы…

– Шеф, мы же тебя не учим, как шпионов ловить? – усмехнулся в сизую бороду Виктор Петрович. – Давай каждый будет заниматься своим делом? Лады?

– Как скажете, – пожал плечами контрразведчик и кивнул Шилову на дверь: – Поехали.

Хрустнув костяшками пальцев, гимназист глубоко вздох-

нул, шагнул к двери и приложил к замочной скважине раскрытую ладонь. Гулко громыхнуло, тяжеленную створку сорвало с петель, и, отлетев на пару метров, она рухнула на заметенный снегом пол.

Снегом?!

Мало кто смог сдержать удивленные возгласы: темное помещение «Западного полюса» оказалось засыпано снегом, стены покрывала настоящая изморозь, а большинство стоявших в баре бутылок полопались, после того как застыло их содержимое. Неудивительно: холод стоял, будто в морозильнике, даже теплая одежда не помогала. Что здесь стряслось?!

– Вперед! Пошли! – опомнился первым Петр Зубко. По колено увязая в глубоком снегу, он проскочил в дверь и, держа на изготовку автомат, оглядел помещение. Никого. Ни посетителей, ни обслуживающего персонала. А что в момент прорыва заведение не было закрыто, сомневаться не приходилось: столы накрыты, на устроенной в нише эстраде расставлена аппаратура.

– Алекс, измерь уровень, – закашлялся Василенко, которого буквально с головой накрыл нахлынувший вал магической энергии. И не какой-нибудь переработанной, нет – первозданной, промораживающей насквозь растворенной в ней стужей. Шилов же, казалось, не почувствовал ничего необычного: передернул плечами и как ни в чем не бывало потопал за Конопатым. А стоило бы насторожиться: стеклянная перегородка моментально покрылась толстенной коркой

наледи.

– Зашкаливает. – Шумов вынул из кармана какой-то прибор и тут же убрал его обратно: стрелка мелко дрожала у максимальной отметки. Чертыхаясь, парень сунул в ухо наушник и спрятал защищенную от мороза лишь кожаной перчаткой с обрезанными пальцами ладонь обратно в меховушку. – Не могу пока понять, где источник, надо в нескольких точках замеры сделать. Здесь погрешность слишком высокая получится.

– Виктор Петрович, нам бы чего-нибудь снижающего чувствительность к перепадам энергетического излучения, – оценив неоднородность магических полей, попросил Василенко. В голове у него уже зашумело, а перед глазами замелькали черные точки. Одних защитных амулетов явно оказалось недостаточно. – И ускоряющего вывод продуктов…

– Да понял я, понял. – Химик закинул в рот пару синих горошин и начал раздавать коллегам таблетки. Потом поморщился и достал спичечный коробок, в котором оказались мягкие, будто бы пластилиновые шарики. – Подействует минут через пять. Почувствуете жжение в животе – говорите.

– Вы долго еще там? – окликнул ликвидаторов контрразведчик. – Просил же заранее приготовиться!

– Я же говорю, мы – люди творческие, работаем по факту. – Антон медленно побрел по снегу. Шум в голове постепенно стих, и, мысленно дотянувшись до защитных амулетов, Василенко принялся подгонять их настройки под кон-

кретные характеристики энергетического поля. – Алекс?

– Первая контрольная точка в двадцати метрах от входа. – Давно уже работавший лишь на честном слове сканер в этот раз не подвел, и Шумов почти без проблем вычислил ближайший энергетический узел. Вообще Василенко при необходимости мог и сам определять их местонахождение, но времени на это уходило несравненно больше. Плюс – головная боль на пару суток. А ведь еще источник прорыва устранять. – Вон там, у колонны.

– Пошли, – махнул рукой дружинникам Конопатый, внимательно разглядывая снег под ногами. Но нет, никаких следов первой группы видно не было.

– Осторожней! – окликнул его Лымарь и указал на свешивавшуюся с потухшего чародейского светильника сосульку. – Лучше обойти.

– Хорошо. – Контрразведчик послушался совета и вдруг обратил внимание, что внутри помещения несколько светлее, чем у входа.

– Аномальное свечение на два часа, – подтвердил его догадку Семен.

– Справа от сцены вход во внутренние помещения, – припомнил план «Западного полюса» Зубко. – Парни, внимательней! Баев, Самарцев – ваш сектор.

– Не топчитесь тут! – ругнулся на дружинников Шумов. Одиночные щелчки в его наушнике превратились в сплош-

ной треск. – На замер уйдет минуты три.

– А дальше? – поинтересовался разглядывавший темневший за барной стойкой проход на кухню Григорий. – Успеем часть помещений пока проверить?

– Думаешь, есть смысл разделиться? – уточнил у контрразведчика Зубко, не менее скептично настроенный относительно квалификации ликвидаторов.

– Думаю, да.

– Хрена с два! – Алекс выдернул из снега длинный щуп, отсоединил клеммы с уходившими куда-то под фуфайку проводками и сунул железный штырь в петлю на поясе. Стрелка за стеклом анализатора вновь прыгнула до упора вправо, но теперь это уже ничего не меняло: первый же замер позволил определить приблизительное направление тока магической энергии. – Следующая точка прямо перед сценой.

– Пошли, – не стал больше настаивать на разделении отряда Конопатый, вполне довольный оперативно полученным результатом. Сомнения в его достоверности, конечно, оставались, но это уже частности.

– Петрович, – окликнул внимательно рассматривавший «утопленную» в стену эстраду Лымарь: один из прожекторов оказался расколот, – чего ты там насчет жжения говорил?

– Держи, задохлик! – Химик сунул Семену мензурку с мутной, белесой жидкостью. – Пей, а то загнешься еще…

– Здесь, – определил место для следующего замера Шумов и в очередной раз воткнул многострадальный щуп в

снег.

– Не нравится мне этот свет, – пробурчал Зубко и поежился от забравшегося под одежду морозца: возле сцены откуда-то ощутимо тянуло сквозняком.

– Алекс, – неожиданно насторожился почувствовавший дрожание магического поля Василенко. – Волатильность повысилась?

– Да нет, на прежнем уровне, – не отрывая взгляда от дрожавшей стрелки анализатора, ответил парень, медленно поворачиваясь из стороны в сторону.

– Черт! – ругнулся Антон и активировал внутреннее зрение. В столь насыщенной магической энергией среде это было сродни наблюдению за вспышками фейерверка в прибор ночного видения, но другого способа подтвердить или опровергнуть свои опасения у колдуна не было.

Едва различимое в сполохах плясавших перед глазами искр темное пятно медленно плыло над сценой и явно направлялось к группе настороженно посматривавших по сторонам людей. Обычным зрением различить его не получалось, и виной тому было какое-то мощное, искривлявшее пространство заклинание.

– Сема, сцена! – заорал Василенко, загоняя в розданные сослуживцам амулеты чары, позволявшие различать инфракрасное излучение.

Крутнувшись на месте, Лымарь первый раз выстрелил наугад. Картечь разнесла синтезатор, а в следующее мгнове-

ние Семен увидел стремительно метнувшийся со сцены черно-красный силуэт. Второй выстрел сшиб укрытое чарами существо на снег, и во все стороны разлетелись капли черной крови.

– Артем! – рявкнул Конопатый, и тут же вырвавшийся из открытой ладони гимназиста луч рассек появившуюся в снегу вмятину напополам.

Зашипел вмиг истаявший снег, в нос ударила вонь горелой плоти, и, уже не скрытое маскировочными чарами, на полу проявилось обнаженное тело, с рассеченной по диагонали – справа налево, – грудной клеткой.

– Это еще что за тварь? – удивился Зубко. На человека она и в самом деле походила мало и больше напоминала побритую наголо гориллу. Вот только клыки… Из-под мертвенно-синей верхней губы торчали два длинных клыка, да и пальцы заканчивались острыми как бритва когтями.

– Вампир? – удивленно переглянулся с гимназистом Василенко.

– Только дикий какой-то, – ошарашенно кивнул Шилов, уничтоживший тварь совершенно не задумываясь, на автомате.

– Он один был? – сразу же уточнил Конопатый.

– Да, – обернулся Василенко к связисту. – Алекс, что с замерами?

– Нам туда, – указал на ярко освещенный вход в подсобное помещение Шумов.

– Господа колдуны, – привлек к себе внимание прислушивавшийся к каждому шороху контрразведчик, – вы можете сделать так, чтобы мы тоже видели этих тварей?

– У меня нет необходимых амулетов, – покачал головой Антон, решивший не раскрывать всех своих секретов. А то сядут на шею и ножки свесят. – Артем, вам ничего подходящего не выдавали?

– Только защитные, – не оборачиваясь, ответил смотревший на сцену гимназист и неожиданно метнул в распахнутую дверь гримерки огненный шарик. Только-только выскочившего на сцену вампира разметало на куски и во все стороны полетели обгорелые ошметки и обломки костей. – Внимание, еще несколько особей на подходе!

– Много их? – Конопатый прицелился в темный прямоугольник двери.

– Не знаю. – Артем хрустнул костяшками пальцев, и вживленные в кожу кристаллы мигнули алыми огоньками. – Приготовьтесь… Огонь!

В этот раз вампиры больше не рассчитывали на скрытность и хлынули на сцену настоящей волной. Автоматные пули, не причиняя особого вреда, прошивали их тела насквозь, и лишь двое или трое оказались сбиты с ног.

– Отвернитесь! – на выдохе прохрипел гимназист, и через мгновение на сцене вспыхнуло новое солнце. Большинство вампиров сразу же прогорели в прах, тех, кому посчастливилось выжить, тоже можно было пока не опасаться: ослепшие

твари в судорогах бились на полу. – Уходим! Сейчас погаснет!

Люди Зубко подхватили под руки не успевшего отвернуться от колдовской вспышки дружинника и бросились бежать к барной стойке. Все просто: учитывая скорость, с которой передвигались вампиры, успеть добраться до выхода из «Западного полюса» нечего было и надеяться. А на кухне… на кухне был хоть какой-то шанс организовать оборону и уцелеть. Главное – не дать себя окружить и навалиться со всех сторон.

– Ходу! – рванув за воротник, Лымарь придал Антону ускорение в противоположном направлении. – Алекс, бегом!

– Куда? – пытаясь проморгать слезившиеся глаза, крикнул парень и припустил за Виктором Петровичем.

– На выход! – Остановившись у ярко освещенного входа в подсобку, Лымарь развернулся и прицелился в бросившегося за ними в погоню обгорелого вампира. Выглядел кровосос не ахти: в некоторых местах торчали обугленные кости, белоснежная кожа пошла волдырями. Но и в таком состоянии эта тварь была способна разорвать их бригаду на куски и даже не запыхаться. – Бегом!

Мимо промчался Василенко, и Лымарь, больше не медля, послал в нагонявшего их вампира заряд картечи. Тому будто осиновый кол в грудь вогнали: резко остановившаяся тварь оступилась, но все же устояла на ногах. Следующий выстрел заставил ее сделать шаг назад. И еще один. И еще…

Патроны кончились, когда в подсобку заскочил Виктор Петрович. Ругнувшийся Семен ухватил замотанные изолентой рукояти ножей и, почти не целясь, метнул клинки. Один угодил вампиру в развороченную картечью грудину, второй – брошенный левой рукой, – лишь оцарапал костлявую руку и улетел дальше. Тварь даже не замедлила бега, и Лымарь, сграбастав замешкавшегося Алекса, прыгнул в подсобку.

– Во блин! – ошарашенно присвистнул оглядывавший раскинувшуюся вокруг заснеженную степь Василенко. Над головой в иссиня-черном небе вполне себе мирно уживались два солнца: желтое и лазурное, и потому мир казался каким-то плоским.

– Не то слово. – Лымарь рухнул на снег и начал торопливо перезаряжать «Сайгу». Черный прямоугольник двери в «Западный полюс» оказался неожиданно далеко, а неосмотрительно рванувший вслед за ликвидаторами вампир под солнечными лучами вмиг утратил всю прыть и, пытаясь зарыться в снег, медленно подыхал. Вот только осторожность не помешает. Кто знает, какие еще создания затаились в этом странном месте?

– Куда это мы угодили? – тяжело выдохнул Алекс. Вообще, это было не первое, что он сказал, но в первоначальном вопросе количество приличных слов равнялось количеству предлогов и междометий. – Что за хрень?

– Пространственный карман, – продолжая оглядываться по сторонам, спокойно объяснил прикрывший от солнечного

света глаза ладонью Василенко. – Искривление очень мощное.

– А это что за тварь? – Подождав, пока вампир окончательно затихнет, Лымарь выдернул из него метательный нож.

– Вампир. – Бригадир попытался отсечь пронизывающие пространство магические потоки. Получилось не очень. Точнее, не получилось вовсе. Бурлившая колдовская энергия обволокла его, словно липучка муху, и никак не желала отпускать. Хреново.

– Задохлики какие-то. – Семен ткнул мертвого вампира носком унта под выпиравшие ребра. Тот и в самом деле богатырским телосложением похвастаться не мог: худой, ростом едва ли полтора метра. – Да и сообразительностью не отличаются.

– Дикие, – пожал плечами думавший о своем Антон. – Без королевы они совсем тупые, а в нормальной стае даже внешне могут от человека ничем не отличаться.

– Откуда они здесь?

– Выходит, прокол очень и очень серьезный, раз через него даже нечисть перейти сумела.

– Ты чего сюда ломанулся? – подошел к Лымарю Алекс. – Не судьба была вместе со всеми остаться?

– Вернуться мы всегда успеем. – Семен поежился от вида черного неба над головой и указал на маячившую в отдалении дверь. – Только нам вообще-то надо причину прокола ликвидировать.

– Ее еще бы найти! – зло сплюнул под ноги Василенко. – Это не нормальный мир, не чувствуете, что ли? Здесь действуют свои законы, а магический фон такой, что через час, максимум два, у нас мозги через уши полезут. Не успеем за это время причину прокола найти – придется уносить ноги.

– А чего ее искать? – буркнул бренчавший своими пузырьками Виктор Петрович. – Вон она, будь неладна.

– Где? – чуть не подскочил на месте Антон. – О черт!

Причину его возгласа понять было несложно: аккурат под двумя солнцами притаилась почти незаметная на ослепительном фоне снега тень. Странная тень – отдающая ледяной синевой, ломаным треугольником устремившаяся к небу.

– Пирамида! – наконец сумел разобраться в увиденном Алекс. – Ледяная!..

– А над Фортом, помнится, что-то подобное кружилось, – задумчиво протянул Лымарь, даже не пытаясь на глазок определить размеры странного сооружения. – Выходит, сковырнули?

– Сковырнули на свою голову! – выругался Василенко. – А у нее настолько мощный магический потенциал оказался, что пространство выгнулось, и этот карман образовался! Еще бы знать, как она с «Западным полюсом» связана…

– Надо потоки просканировать, – предложил, шмыгнув носом, Шумов. Ветра не было, но и без него холод пробирал до самых костей. – Пошли, что ли?

– Стоять! – распорядился Виктор Петрович, не отрыва-

ясь от своих склянок, содержимое которых на таком морозе хоть и стало вязким, но не замерзло. – Сначала небольшая химиотерапия.

– Типун тебе на язык! – выругался Лымарь.

– Чего еще? – удивился химик. – А! Ты в этом смысле. Ладно, суеверный ты наш, открой рот, закрой глаза. Хотя нет – глаза не закрывай. Понадобятся.

– Ты чего удумал-то? – забеспокоился Семен.

– Капли капать буду, – объяснил Виктор Петрович и встряхнул пузырек с дозатором. – Открывай рот, говорю!

Лымарь тяжело вздохнул, но все же послушался. Обычно процедуры Петровича к приятным нельзя было отнести даже с большой натяжкой, а уж когда он напоминал обожравшегося сметаной кота… Что-то сейчас будет!

Предчувствия Лымаря не обманули: первая капля льдинкой скользнула по языку и заморозила гортань, от двух следующих смерзлись ноздри и начисто пропало обоняние. А уж когда дело дошло до глаз! Будто иглой ткнули. Сознание на миг отключилось, но когда Семен с кряхтеньем поднялся со снега, неприятные ощущения успели куда-то подеваться. Только моргать стало больно – глаза обжигали холодом веки.

– С концентрацией, похоже, переборщил, – задумчиво глядя на него, почесал бороду Виктор Петрович.

– В самый раз. – Семен ошарашенно огляделся по сторонам. Сказать, что окружающая действительность изменилась, – не сказать ничего. Черные краски неба расслоились и

поражали противоестественной игрой темно-синих и антрацитовых тонов. Бескрайняя пустошь скукожилась, и все расстояния мягко текли, то отдаляя, то приближая еще недавно незыблемо застывшие на месте предметы. А пирамида… Ледяная пирамида налилась объемом и больше не казалась плоской и бесплотной тенью. Неизменными остались только два солнца, по-прежнему ослепительными дырами прорезавшие подкладку небосвода. – Закругляйтесь и пошли…

– Может, все же разбавишь? – обреченно вздохнул Алекс.

– Ну, я Семе в этом вопросе доверяю, – усмехнулся Виктор Петрович. – Да и, если разобраться, хуже точно не будет.

– Семён, ты куда? – окликнул Лымаря Василенко, когда тот, проваливаясь по колено в снег, успел отойти метров на десять.

– Уже никуда. – Семен добрел до видневшегося из снега предмета, которого он раньше просто не замечал, и остановился. Из снега торчала пятка сапога. Обычного кирзового сапога, которые иногда еще выдавали новобранцам в Дружине. Ходить в них зимой – одно мучение, но всяко лучше, чем босиком.

Пользуясь тем, что занятые неприятной процедурой коллеги перестали отвлекать, Лымарь ухватился обеими руками за сапог и потянул. Вообще-то он рисковал. Притаись под снегом какая хитрая тварь или тот же ледяной ходок, и Семену бы не поздоровилось, но в этот раз парень выволок на свет божий закоченевший на морозе труп дружинника. Лы-

марь его даже переворачивать не стал – ясно ведь: из той самой первой партии, – только срезал ремень автомата и с АК-74 в руках побрел обратно.

– Ну, ты и злодей! – зажав руками глаза, выдохнул осевший на корточки Алекс. – Что за гадость?

– Собственная разработка, – гордо заявил Виктор Петрович, которого прием микстуры нисколько не напряг. Будто чистую воду закапал. – Думаю «северным сиянием» назвать.

– Назови лучше «тараканы в башке», – посоветовал Шумов. – Или «взрыв мозгов».

– Кстати, о северном сиянии, – хмыкнул Василенко, едва успев проморгаться, – что это за лабуда у пирамиды?

– Где? – удивился Семен. – Не вижу ничего…

– И я, – кивнул Алекс. – Глюки начались?

– Петрович? – оглянулся на химика бригадир. – Ты чего закапал-то? Эффект какой?

– Повышается сопротивляемость организма к магическому воздействию и холоду, временно гасится ментальная чувствительность. Но на колдуна, полагаю, действует только первая компонента, – пожал плечами Виктор Петрович. – Чего видишь-то?

– Будто пульсирует что-то. На воронку похоже, никак толком не разгляжу.

– Ну, так пошли, посмотрим поближе, – предложил Лымарь. – Автомат кто возьмет?

– Давай уж, – снисходительно глянув на Антона и Алекса,

махнул рукой химик. – Дети перестройки, блин! Ни начальной военной подготовки в школе, ни военной кафедры. От армии тоже отмазались, поди?

– Я – нет, я по здоровью, – возмутился Шумов.

– А я не успел, – хмыкнул Василенко и начал пробираться по глубокому снегу к отливавшей голубовато-серебристым сиянием пирамиде. – Сразу после аспирантуры сюда…

– Так ты здесь сколько уже, – удивился Лымарь, – лет шесть?

– Типа того, – кивнул бригадир и насторожился, когда заметил, что пробегающие по ледяной пирамиде блики возникают как-то очень уж синхронно с пульсацией призрачной воронки. – Осторожнее, не нравится мне все это!

– А уж мне как не нравится! – поддакнул пытавшийся хоть что-то понять в показаниях спятивших измерительных приборов Алекс. – На хрен сюда вообще лезть было?!

– В следующий раз сам с вампирами разбираться будешь, – усмехнулся Лымарь и, первым заметив опасность, крикнул: – Назад, быстро!

Было от чего запаниковать: пульсирующая воронка на миг обрела глубину, расширилась, и сквозь нее, будто через пространственный туннель, вывалился кусок чужого мира.

Торчавшие из покрытой коркой наледи земли ледяные пики почти сразу раскрошились, а вот клубившийся меж них туман, напротив, сгустился и молочной пеленой потек к ликвидаторам.

– Туманники! – выдохнул Василенко. – Откуда?!

– От верблюда! – выругался Виктор Петрович, сковырнул с какой-то склянки залитую сургучом пробку и метнул в наползающий туман. Пелена осветилась оранжевым сиянием, а потом пожравшее ее изнури пламя вырвалось на свободу и взметнулось на добрых три метра вверх.

– Твою мать! – Лымарь закрылся варежкой от дохнувшего в лицо жара. – А если б случайно разбил?

– Случайно только кошки родятся, – усмехнулся в бороду Виктор Петрович.

– В темпе! – махнул рукой Василенко и, обегая по широкой дуге продолжавший полыхать бесцветным пламенем снег, бросился к пирамиде. – Надо успеть ликвидировать портал до следующего перехода!

– Это портал? – с трудом нагнал его надсадно дышавший Алекс.

– Нестабильный, – на бегу ответил бригадир.

– Эй, вы куда?! – Лымарь остановился метров за десять до почти отвесно вытянувшейся к небу стены пирамиды. Вблизи она больше не казалась вырезанной из цельного куска льда – стали видны соединения блоков, некоторые из которых были испещрены мелкими трещинами. – Не так близко!

– Антон! – позвал бригадира Алекс, лихорадочно сверявший показания измерительных приборов, и выдернул наушник, треск в котором давно уже превратился в монотонный

гул. – Есть два основных потока: одним врата запитаны от пирамиды, второй возникает, когда в открывшийся переход прорывается энергия.

– Сколько у нас времени до очередного открытия? – уточнил Василенко.

– Без понятия. Думаю, немного.

– Надо что-то делать…

– А если ее взорвать? – предложил Виктор Петрович.

– У тебя с собой атомная бомба? – поинтересовался Лымарь.

– Можно вернуться, – пожал плечами бородач и достал пачку папирос. – В Форт.

– Времени нет, – погрустнел Алекс. – Не успеем уйти.

– Нам бы внутрь, – предложил Семен. – Изнутри оно проще должно быть…

– Нож дай, – протянул к нему руку Виктор Петрович. – Давай, давай – не боись…

Заполучив метательный нож с обмотанной изолентой рукоятью, химик попробовал поковырять пересекавшую один из блоков трещину, тихонько выругался под нос и надолго задумался.

– Ну? – поторопил его начавший прыгать на месте, чтобы хоть немного согреться, Алекс.

– Баранки гну! – огрызнулся Виктор Петрович и, выудив из внутреннего кармана пальто какой-то пузырек, осторожно стряхнул в трещину каплю пронзительно-синей жидкости.

Ничего не произошло.

Бородач снова выругался – на этот раз погромче, – завинтил крышечку и вытащил из кармана новую баночку. Капнул, подождал – и вновь никакого эффекта. Ничуть не расстроившись, химик принялся смешивать в пустой пробирке сразу несколько препаратов, под конец добавил алхимического растворителя и вылил забурлившую жидкость на стену. С тем же результатом.

– Очень интересно! – дернул он себя за заиндевевшую бороду и закурил папиросу. – Помолчите-ка пока, буду думать…

Разочарованный Василенко стянул с руки варежку и приложил ладонь к обжегшей холодом плите. Пальцы тотчас утратили чувствительность, стужа метнулась к сердцу, но самое страшное заключалось в другом – в голове зазвучали рассекавшие волю, подобно острым ножам, слова на незнакомом языке. Многочисленные обереги не помогли: чуждая сила высасывала залитую в них магическую энергию до последнего карата и становилась лишь сильнее.

Непонятно, чем бы закончилось дело, если бы Шумов не обратил внимание на безмолвную гримасу застывшего соляным столбом бригадира. Оторвавшись от окончательно спятившего сканера, Алекс ухватил Василенко за воротник и одним рывком отшвырнул от стены. Никак не отреагировав на произошедшее, колдун ничком рухнул в снег.

– Чего он бормочет? – Семен прислушался к тихому ше-

поту перевернутого на спину Антона.

– Бредит? – предположил Алекс, которому с помощью пригоршни снега так и не удалось привести бригадира в чувство.

– Сейчас он у нас мигом оживет. – Виктор Петрович достал заранее снаряженный одноразовый шприц-тюбик. – Как миленький…

Он ловко вогнал в шею Василенко иглу, и Антон действительно почти сразу же пришел в себя. Первое время он сипел и не мог вымолвить ни слова, потом немного успокоился, уселся на снег, набрал полные легкие воздуха и… матерно выругался.

Впрочем, теперь всем было не до него. Через вновь открывшиеся врата повеяло стужей, а когда проморозивший всех до костей порыв ледяного ветра умчался прочь, на месте перехода растерянно глазели по сторонам несколько карликов. В половину человеческого роста, костлявые, сплошь заросшие длинными спутанными волосами. Но точно – разумные: в руках копья, в ножнах на широких кожаных поясах – тесаки.

Первым успел среагировать Семен. То ли сказался опыт, приобретенный во время командировок в горячие точки, то ли всплыли в памяти воспоминания о недолгой службе в Патруле, но опознавший в коротышках снежных людей Лымарь тотчас пальнул из «Сайги». Один из недоростков, крутнувшись на месте, рухнул в снег..

Второй раз, едва увернувшись от промелькнувшего рядом с головой дротика, Лымарь выстрелить не успел: длинная автоматная очередь срезала не успевших разбежаться в разные стороны снежных людей. Один из карликов еще попытался достать из ножен широкий тесак, но наступивший ему на руку Семен, без затей перехватил волосатую шею ножом.

– Анто-о-он, – в очередной раз размазал снег по лицу бригадира порядком струхнувший Шумов. – Очнись уже, а?..

– Я в порядке. – Василенко с трудом разлепил глаза. – Что это было? Как мешком по голове.

– Врата открылись, тебя выброс зацепил, – объяснил Виктор Петрович. – Излишек магического излучения. Надо ноги уносить.

– Нет! – упрямо заявил до крови закусивший губу Василенко. – Будем работать!

– А это еще что за хрень? – Возвращавшийся к коллегам от трупов снежных людей Семен первым заметил идущий от стены дымок. – Петрович, твоя работа?

– В сторону! – Вскочивший на ноги Антон с силой оттолкнул Шумова от блока, трещины которого из блекло-синих вдруг стали ядовито-зелеными.

В тот же миг блок осыпался на снег бесчисленным множеством хрусталиков, и в поверхности ледяной пирамиды образовался заполненный туманом провал. Загипнотизированный его переливами Виктор Петрович замер на месте и вдруг понял, что молочная пелена приобрела непонятную глуби-

ну. Будто и не было вовсе никакого тумана, будто само пространство изогнулось под тяжестью стен пирамиды и выкидывало непонятные штуки со зрением.

Словно со стороны химик почувствовал, как кто-то ухватил его за воротник, не оборачиваясь, отмахнулся и шагнул к провалу. Туманная дымка раздалась в стороны, но шагнуть в нее химик не успел: подскочивший сбоку Семен ткнул его кулаком в скулу.

– Совсем сбрендил? – Зажимая пальцами рассаженный нос, сплюнул под ноги кровь Василенко, когда Петрович, наконец, очнулся. – Куда ломанулся-то?

– Не помню. – Бородач потер скулу. – Сема, это ты меня так?

– Я?! – прекрасно зная склочный нрав химика, состроил удивленную гримасу Лымарь. – Это Алекс.

– Да ну? – не поверил Виктор Петрович.

– Ага. С ноги.

– Хватит уже, – остановил их Антон. – У нас в запасе минут десять, не больше. В пирамиду войти не получится, у кого еще есть идеи? Давайте, давайте! Нам нужен мозговой штурм, мать его!

– Слушай, а ты сам не попробуешь магический поток отсечь? – предложил Алекс. – Ты ж колдун.

– Как ты это себе представляешь?

– Ну если пирамида является источником энергии для врат, то надо ее либо взять под контроль, либо обесточить.

Я так думаю.

– Не выйдет, – на миг задумавшись над предложением связиста, покачал головой Антон. – Когда прикоснулся к стене, меня будто катком переехало. Еще немного – и кирдык! До сих пор пальцы не шевелятся. Плюс – там совершенно иной принцип управления энергией. На человека он не рассчитан! Мозги просто перегорят.

– А теоретически, – Шумов стянул со спины рюкзак, – ты бы справился? Если исключить негативное воздействие и решить проблему с несовместимостью понятийного аппарата?

– Чисто теоретически?

– Не совсем. – Связист осторожно вынул замотанный в упаковочную полиэтиленовую пленку с «пупырышками» ноутбук. – Но типа того.

– Петрович? – Бригадир выжидательно глянул на химика.

– А чего я? – сразу понял намек бородач. – Ты же знаешь, я с этим делом завязал!

– Петрович… – начал злиться Антон. – Мы впустую теряем время!

– Есть доза «Магистра», – признался Виктор Петрович.

– Если бы мне был нужен «Магистр», я бы пошел и купил у первого попавшегося барыги, – рассвирепел Василенко. – Петрович, лучше не доводи до греха! Времени в обрез!

– С тем, что я тебе уже вколол, только «Магистр», – упрямо набычился химик.

– Вот это другой разговор, – успокоился Антон. – Давай,

доставай, что там у тебя есть.

– Ты меня не слышал? Окочуришься ведь!

– Мы все скоро окочуримся, – махнул рукой Василенко. – Ну что, господин Шумов, приступим?

– Поехали, – без особой уверенности кивнул Алекс и, размотав длинный провод «телефонной» пары, подцепил его к уже включенному ноутбуку. Перекрестившись, парень зашвырнул конец провода в клубившийся в проломе пирамиды туман и облегченно вздохнул, когда ничего не произошло.

– Ну и? – заглянул ему через плечо доставший какой-то пластиковый пузырек Петрович. – Работает?

– Сейчас чарофон подсоединю, и видно будет. Сразу не коротнуло, уже хорошо. – Шумову понадобилось несколько минут, чтобы соединить негнущимися от мороза пальцами контакты ноутбука и выходящие из корпуса мобильного телефона проводки. А потом воткнуть золоченые контакты шлейфа. Экран мобильника мигнул и как-то очень уж ярко засветился. – Ага, соединение установлено. Как бы не перегорел.

– Ты чего? – присел рядом с ним Василенко. – На него часть энергии перекинул?

– Угу, будь у нас куда излишки сливать, заземлили бы пирамиду, на хрен, и все дела! – Парень принялся водить стилом по сенсорному экрану чарофона, и свечение несколько потускнело. – Ты готовься пока, мне еще несколько минут

понадобится, чтобы синхронизацию отладить и вклиниться в информационное поле. Ну и перекодировка сигнала какое-то время займет.

– Петрович? – ничего не понимая в мелькавших на экране мобильного телефона математических символах и обрывках компьютерного кода, повернулся к химику Василенко. – Готов?

– Держи. – Виктор Петрович взболтал слитую в пластиковый пузырек смесь десятка препаратов, кинул в него желатиновый шарик, внутри которого алела капля дозы «Магистра», и быстро завинтил пробку. – Перед употреблением взболтать.

– Понятно, – протянул руку бригадир.

– Да погоди ты! – вспылил химик. – Понятно ему! Пить не надо! Понял? Вдох через рот, выдох через нос. Вдохнешь три раза, запомнил? Активного вещества за глаза хватит.

– Давай сюда, – схватил пузырек Антон. – Насколько мощная штука?

– На порядок мощнее простого «Магистра», но рассчитывай максимум минуты на три. Через пять минут даже я тебя реанимировать не смогу, – Виктор Петрович начал раскладывать на выложенной поверх снега тряпке одноразовые шприцы.

– Вы меня пугаете, доктор, – усмехнулся Василенко.

– Время! – поторопил их Лымарь, который не отводил взгляда от призрачной воронки. – Скоро начнется…

– Алекс? – потряхивая пузырек, позвал связиста Антон.

– Готово, – вытер вспотевший лоб парень. – Еле синхронизировал – частота колебаний постоянно меняется. В общем, смотри сюда: принцип такой же, как при доступе в сеть через анонимный шлюз. На железо защита пирамиды не реагирует, поэтому какое-то время, пока она разберется, что к чему, у нас есть.

– Что мне делать-то? – ничего не понял из объяснений Шумова бригадир.

– Все просто: работаешь через чарофон. Он на ментальное управление настроен, так что проблем быть не должно. Через него сигнал уйдет в ноутбук, перекодируется и сольется в энергетическое поле пирамиды. Обратная связь будет затруднена, поскольку придется ловить эхо отклика: прямой ответ сожжет и тебя и аппаратуру.

– Поехали! – Несколько раз сильно встряхнув пластиковый пузырек, Антон сорвал с него крышку и глубоко вдохнул вырвавшийся из горлышка пар. Раз, другой, третий. Рука колдуна непроизвольно разжалась, расплескавшая жидкость запузырилась на вытоптанном снегу.

– Твою мать, – невольно подался назад Шумов: глаза Василенко враз стали темно-синими почти под стать небу над головами ликвидаторов.

– Прикрой Семена, – сунул парню в руки автомат Виктор Петрович и перетащил разложенное на тряпку хозяйство поближе к сжавшему в левой руке чарофон бригадиру. Воздух

вокруг соединявших телефон и ноутбук контактов замерцал призрачно-зеленоватым сиянием, а уходивший в пирамиду двужильный провод заискрил голубоватыми огоньками.

– Слишком сильный отклик идет, – забеспокоился отошедший к Лымарю связист.

– Сиди! – Дернув за рукав, Семен усадил его в снег и приготовил «Сайгу». – Все равно уже ничего исправить не сможешь. Так?

– Так.

– Ну вот, а у нас скоро гости будут. – Призрачная воронка к этому времени расплылась в мерцающее пятно, которое словно разъело окружавшее ликвидаторов пространство. За серой пеленой замаячили силуэты чужого мира. – Как стрелять, знаешь?

– Да вроде, – кивнул Алекс. – Перезаряжать же ничего не надо?

– Запасного рожка не было.

– Тогда без проблем, – шмыгнул носом парень, попробовал прицелиться в сторону перехода, но не утерпел и вновь опустил автомат. – Слушай, Семен, а ты не задумывался, что это за пирамида? И зачем переход открывается?

– Зачем, зачем? – фыркнул Лымарь, изо рта которого вырвалось целое облако пара. – Опять нечисть какая в Форт прорваться хотела.

– А я думаю, это наши их сбили, – высказал свое предположение Алекс.

– Ну и?

– С энергией у них напряг, вот и копят для каждого перехода.

– Смотаться хотят?

– Не-а, – мотнул головой парень. – Хотели бы уйти – давно ушли.

– Ну а чего тогда?

– Спасателей ждут. Типа нас, только с той стороны.

– Будем надеяться, Антоха успеет раньше, – хмыкнул Семен, реально оценивший свои шансы на выживание в схватке с создателями ледяной пирамиды.

– Будем надеяться, – кивнул Алекс и обернулся посмотреть на замершего с чарофоном в руке колдуна. – Будем надеяться…

Пирамида начала уходить под снег через три мучительно долгих минуты. С веселым хрустом по идеально гладким стенам побежали трещины, земля задрожала, и исполинское сооружение медленно скрылось из виду. А вместе с ней, будто шарик, из которого стравливают воздух, принялось съеживаться и окружающее пространство. Внезапно поднявшийся ветер ударил шквалом снега и колючих льдинок, лазурное солнце пропало из виду, а черное небо враз потеряло свою глубину, когда на нем осталось лишь одинокое пятно желтого карлика.

– Бежим! – перекрикивая вой ветра, заорал Семен и бро-

сился к уткнувшемуся лицом в снег Антону, рядом с которым уже суетился Петрович. Наметившийся было портал благополучно схлопнулся, но повод для спешки был самый что ни на есть весомый: видневшийся еще пару минут назад вдалеке черный прямоугольник двери подсобки «Западного полюса» стремительно увеличивался в размерах.

Алекс оглянулся, выругался и бросился следом. Ничего не понимающий Виктор Петрович, который делал потерявшему сознание колдуну одну инъекцию за другой, принялся что-то орать, но Лымарь взвалил бригадира на закорки и заковылял к выходу из этого свертка обезумевшего пространства, несомненно, доживавшего свои последние минуты.

– Да брось ты ноутбук! – рявкнул он на Шумова. – Помогай!

Рукавом прикрывший лицо от секшего кожу колючими льдинками ветра, Алекс подскочил к Семену; опомнившийся химик сграбастал свой саквояж и побежал следом. Оставаться в переживавшем апокалипсис мире не хотел никто.

В уже начавшую дрожать и размываться в темное пятно дверь ликвидаторы заскочили в самый последний момент. По инерции пробежали еще несколько метров, остановились и тут же покатились по снегу, когда в спину толкнулась упругая ладонь неожиданно сгустившегося воздуха. Сорванное с петель дверное полотно пронеслось через половину зала и врезалось в стену, а на месте перехода в другое измерение вновь оказалась вернувшаяся на свое законное место под-

собка. Какие-то ящики, старая мебель, ведра, швабры.

Обошлось?

Смахнувший с одного из столиков снег Петрович с кряхтеньем уложил на него Василенко и вновь начал копаться в недрах саквояжа, выискивая нужные препараты.

– Что с ним? – пошатываясь, поднялся с пола вымотанный марш-броском Семен.

– Жить будет, – пожал плечами занятый делом химик. – Наверное.

– Шутки у тебя… – Лымарь закинул на плечо «Сайгу». – Дурацкие.

– Какие есть, других не держим. – Виктор Петрович сделал колдуну еще один укол, сжал запястье, выискивая пульс, и достал мятую пачку папирос. – Алекс, забирай свою игрушку! Антон мобильник твой с собой приволок.

– Ага, сейчас, – без особой заинтересованности отозвался изучавший бар Шумов. Поживиться ничем не получалось – все бутылки были разбиты вдребезги.

– В холодильник загляни, – посоветовал внимательно оглядывавший общий зал Семен. Никого из дружинников видно не было; вампиры тоже, к счастью, куда-то запропастились. Ведущая в «Кишку» стеклянная дверь оказалась все так же полностью покрыта коркой льда, и после недолгих раздумий Лымарь решил к ней не приближаться. Во-первых, пальнуть с испуга могут; во-вторых, энергетический фон в «Западном полюсе» только-только начал в норму приходить.

Так откроешь дверь и из-за перепада магических потенциалов на пару месяцев в больницу загремишь. Лучше подождать. Торопиться пока вроде некуда. Раз Петрович дымить начал – значит, с Антоном все нормально будет.

– Ты смотри! – обрадовался Алекс, когда понюхал содержимое вытащенной из холодильника пластиковой двухлитровки. – Выморжень!

– И без него холодно, – поежился Семен.

– Теплеет уже, – порывшись под барной стойкой, Шумов нашел несколько одноразовых стаканчиков и, не теряя времени, разлил по ним рубиновую жидкость. Залпом замахнул сто граммов обжегшего холодом напитка и ошарашенно замолчал. В желудок будто провалился кусок льда, вверх по позвоночнику, наоборот, метнулась огненная волна, шибанувшая прямиком в темечко, да так, что зашевелились волосы. – Ух, хороша, зараза!..

– Петрович, держи! – Лымарь передал стаканчик химику, вернулся к барной стойке и в один глоток влил в себя крепкую настойку. – Да-а…

– Мы молодцы? – Шумов достал пачку сигарет.

– А то! – глубокомысленно прищурился Семен и разлил по стаканчикам новую порцию выморженя. – Только знаешь, Алекс…

– Чего?

– Меня мучает один вопрос… – Лымарь поднес ко рту стакан, но пить не стал. – Куда все делись?

– Дружинники, что ли? – усмехнулся Шумов. – Удрали, поди…

– Нет, не дружинники, – покачал головой Семен. – Посетители. Столы накрыты, жратва по тарелкам разложена. А из кабака никто не выходил…

– Знаешь что? – Алекс облокотился о столешницу и ткнул своим пластиковым стаканчиком в стаканчик напарника. – Давай подумаем об этом завтра. Или послезавтра.

– Логично, – согласился Семен и выпил выморжень. – И вообще – не наша это головная боль. Уже не наша…

Немного огня

Самое сложное в работе сторожа – не свихнуться со скуки. Нет, конечно, не заснуть в ночь тоже дорого стоит, но тут уж ничего не поделать: подрядился на сутки через двое – терпи. Ты в свободное время не по кабакам шляйся, а дома отсыпайся. А на работе – ни-ни. Правда, если уж на то пошло, хватает разгильдяев, перед которыми эти проблемы не стоят вовсе.

Сторож? Ну и че? Да что тут вообще может случиться? Кому этот склад сдался? А с проверкой придут, так завсегда проснуться успею. Да и не уволят за первый раз-то. Ну а без сна сутки маяться – это ни в какие ворота не лезет. Не рабы, чай.

Костя так не мог. Нет, двадцатилетний парень не особо дорожил своим местом – да и кто в его возрасте задумывается о перспективах карьерного роста складского сторожа? – тем более что платили из рук вон плохо. И повышенным чувством ответственности он тоже не страдал. На самом деле ему давно уже все было по барабану.

Беспокоило другое: заберись на склад воры, наутро начнутся такие разборки, что мало не покажется. Вышибут с треском, замучаешься новое место подыскивать. А если крайним сделают? А что? Легко.

Кто наводчик? Сторож, кто ж еще!

Да и среди жулья отморозков хватает. Могут сначала бритвой по горлу, а потом товары со склада выносить начать.

Поэтому Костя на дежурстве не спал. Заливал кипятком на третий раз уже использованную заварку, пил до невозможности мутный чай и время от времени обходил подконтрольную территорию. Не спать он мог сутками. Ерунда.

Вот не свихнуться от скуки – это да. Эта проблема всегда вставала перед ним в полный рост. Сколько не играй сам с собой в карты – пусть даже и в «пьяницу» сразу за четверых, – один черт надолго такое занятие увлечь не может. А там и мысли разные в голову полезут. О жизни никчемной, сволочном начальстве, сменщиках-подонках и прочей неприглядной изнанке бытия обычного работяги. Ну а когда размышления незаметно переходят на тему финансов, вопрос «как прожить на остатки наличности до расчета?» попросту загоняет в депрессию. Вопрос же «на что жить, после того как отдашь долги?» и вовсе относится к разряду запретных.

Хоть бы просто поболтать – и то не с кем. До утра приходилось торчать одному. А еще холод. Холод донимал Костю даже больше скуки. Вот и сейчас – в пуховике, меховой шапке, ватных штанах и теплых ботинках, – парень зяб и то и дело прикладывал ладони к едва теплой буржуйке. А ведь в бендежке сторожей было еще более-менее тепло. Другое дело на неотапливаемом складе – там парень замерзал так, что

зуб на зуб не попадал. На улице вообще становилось тошно, и большую часть свободного времени Костя старался проводить в «Кишке».

Ходики на стене кукукнули пять раз. Тяжело вздохнув, парень натянул варежки и с немалым сожалением отошел от буржуйки. Распахнул дверь, через черный ход вышел во двор и, морщась от неприятного ощущения, сотворил небольшой – всего в полкулака, – огненный шарик. Ладони моментально заныли от холода, но лучше уж так, чем бегать по морозу. Облетевший двор тусклый светлячок разогнал предутренний мрак. Не заметив ничего подозрительного, сторож вернул шарик обратно и поспешил укрыться от мороза в помещении.

Оставалось проверить склад.

Сменщик опоздал на полчаса. А когда заявился, в бендежке стало не продохнуть от свежего перегара, и Костя сразу засобирался домой.

– Я чай принес, – будто извиняясь, выставил на стол пачку заварки Леонид Ершов – мужик лет сорока, умудрявшийся работать сразу на трех или четырех работах и при этом находить время для злоупотребления алкоголем. – Оставайся, Кость, сейчас заварю.

– Давай, – согласился парень. Для «Западного полюса», пожалуй, слишком рано, а возвращаться в съемную комнатушку особого желания не было. Тем более что ни на уголь,

ни на дрова денег нет. – Хоть согреюсь.

– Чего ты мерзнешь-то? – Ершов скинул порванную в нескольких местах фуфайку на лежанку. – Ты ж этот… как его… Огневик!

– Пиромант, – поправил Костя и выложил на стол сигнальный амулет, настроенный на связь с ближайшим околотком Дружины.

– Один черт, – махнул рукой растопивший буржуйку последними дровами сменщик. – Огонь производишь? Вот и согрей себя.

– Себя не могу, – поежился Костя. – Наоборот, мерзнуть начинаю.

– Беда с тобой, – усмехнулся Ершов. – Нет желания к гимназистам прибиться? Глядишь, чему полезному научился бы.

– Не берут. – Костя не стал ничего объяснять и залил заварку кипятком. Уник – это уник, колдун – это колдун. И прыгнуть выше головы не получится.

– А наплюй! – посоветовал Леня. – Давай чай пить…

Чай пили молча. Ершов отходил от похмелья, Костя просто грел пальцы о горячий граненый стакан. Потом посмотрел на ходики – было без малого семь, – и начал собираться.

– Закрой за мной, – направился он к выходу и уже на улице махнул сменщику рукой: – Бывай!

– Счастливо! – Ершов запер дверь на засов.

Подняв воротник пуховика, Костя осмотрелся по сторонам, поежился от холодного ветра и потопал по направлению к Красному проспекту. Толком еще не рассвело, небо затянули низкие снеговые облака, и народа на улице не было вовсе. Хорошо хоть потеплело за ночь. Вчера такой дубак стоял, что плевок на лету замерзал.

– Эй ты, иди сюда! – Задумавшийся парень не заметил, как со двора двухэтажки наперерез ему выскочила смутно различимая в темноте фигура. – Деньги есть?

– Нету, – почти честно ответил Костя, не замедляя шаг.

– Стой, говорю! – рявкнул державший руку за спиной крепыш. – Карманы выворачивай!

– Да нету у меня денег. – Костя немного сместился в сторону. И что делать? Не отдавать же последние копейки! Дать в морду и бежать? А за спиной этот гад что прячет? Да без разницы – не догонит. Только… Костю вдруг прошиб холодный пот: сзади послышались чьи-то шаги. Черт! В груди противно заныло – теперь точно не убежать.

– Не смотри на меня! – рявкнул грабитель. – Живей карманы выворачивай! А то…

Озвучить свою угрозу крепыш не успел: вылетевший из темноты снежок угодил ему прямо в нос. Хороший такой снежок – до твердости ледяшки спрессованный. Кровь так и брызнула.

– Вали отсюда! – посоветовал метнувший снежок высокий, немного сутулившийся парень в длинном пальто, и

неудачливый грабитель опрометью бросился в подворотню.

– Привет, Филипп, – поздоровался, поежившись то ли от испуга, то ли от мороза, Костя. Своего спасителя он знал довольно неплохо – еще в нормальной жизни в соседних дворах жили, только Филипп из «старшаков» был. Да и в последнее время Гороховский частенько наведывался по делам в «Западный полюс».

– Привет, Костя. Чего дрожишь?

– Замерз, – через силу усмехнулся пиромант.

– Понятно, – кивнул Гороховский. – А чего этого недоумка не поджарил?

– Не успел, – соврал Костя, которому такое и в голову не пришло. Нет, теоретически поджарить человека он мог. Частично. А если бы тот помер? Слишком уж сложно силу рассчитать. Да и немного силы-то этой, если разобраться.

– В «Кишку»? – поинтересовался Филипп.

– Ага, – зевнул пиромант. – После суток развеюсь чуток. Да и кушать хоцца. А потом спать.

– А ты разве не в «Западном полюсе» ночуешь? – рассмеялся Филипп. – Сколько раз не заглядывал, ты все там зависаешь.

– Зато дома топить не надо, – отшутился Костя. – Экономия.

– Тоже верно.

На перекрестке Красного и Кривой Гороховский свернул

налево и направился к Торговому углу, порядком озябший Костя – наоборот, потопал к площади Павших. Мимо прошагали патрулировавшие улицы дружинники, но на одинокого парня они не обратили никакого внимания. Впрочем, пироманту на служивых было ровным счетом наплевать – никаких грешков за ним не числилось, да и на руках ничего запрещенного не было. Так что как привязались бы, так и отвязались.

Вскоре Костя свернул с Красного проспекта и по утоптанной тропинке направился к одной из стоявших во дворах пятиэтажек. Небольшой крюк оправдывал себя полностью: в подвале был лаз в «Кишку», и лучше уж сразу спуститься под землю, чем морозить зад на студеном ветру.

Оказавшись в подземелье, пиромант расслабился и облегченно перевел дух. Будто домой вернулся. За последние годы он облазил «Кишку» вдоль и поперек и знал все входы и выходы ничуть не хуже обслуживающего подземный комплекс персонала. А может, и лучше.

Вот этот, например, лаз был мало кому известен. Пользовались им в основном обитатели соседних домов, да и то от случая к случаю. Поэтому в узеньком переходе между бывшими бомбоубежищами нет ни светящейся рекламы, ни вездесущих музыкантов и попрошаек. Точнее, все это будет, но дальше, после того как ход выведет к одному из торных подземных коридоров. А там уже и до «Западного полюса» рукой подать.

– Эгей! Напалм! – окликнул Костю ходившим среди уников прозвищем широкоплечий паренек в одном из переоборудованных под торговый зал подземелий. – Должок за тобой!

– Привет, Боря, – мысленно проклиная себя за безмозглость, зашарил по карманам пиромант. – На, держи.

– В «Западный полюс» заглянешь сегодня? – зажав в ладони пару золотых чешуек, ухмыльнулся Борис. Этому не самому одаренному унику посчастливилось устроиться продавцом-консультантом в одной из торговавших чародейскими амулетами лавок, чему он и был безмерно рад. – А то смотри – в картишки перекинемся.

– Видно будет, – через силу улыбнулся Костя и, махнув на прощание рукой, поплелся домой.

А и правильно – чего в кабаке без денег делать? Блин, какой осел! Совсем забыл, что «Наследие предтеч» на ночь не закрывается и продавцы там круглые сутки дежурят. Так бы обошел стороной – два рубля сэкономил. С другой стороны, рано или поздно должок возвращать все равно пришлось бы, так что не стоит посыпать голову пеплом. А в «Западный полюс» и в самом деле лучше к вечеру завалиться. И народ подтянется, и выспаться за день можно. А то назавтра как вареный овощ будешь.

И, невольно усмехнувшись над своей оплошностью, пиромант отправился домой.

Вырваться в «Кишку» Косте и в самом деле удалось только к вечеру. Сначала плюнул на все и, забравшись под ватное одеяло, задрых на добрую половину дня, потом вскрыл последнюю банку тушенки, растопил печурку и на скорую руку поджарил макароны. Сразу стало веселее. В заначке, правда, денег оказалось куда меньше ожидаемого, но пиромант решил до поры до времени не забивать голову подобной ерундой. А то так и поседеть раньше срока можно.

Смолотив полсковородки перемешанных с тушенкой макарон, парень накинул длинную кожаную куртку и, насвистывая, вышел в коридор. Запер замок, зевнул, спустился по лестнице на первый этаж и нос к носу столкнулся с бабой Раей – седой старушкой, по поручению домовладельца присматривавшей за жильцами.

– Здрасте! – привычно испугавшись, пиромант рванул на выход, но вспомнил, что за этот месяц квартплату уже внес, и расслабился.

– Здравствуй, Костя, – отозвалась бабка. – А ты разве дома был?

– Ну да, – кивнул парень. – Я ж с ночи. А что?

– Да искали тебя, – баба Рая даже фыркнула от возмущения, – всякие!

– Кто еще? – поморщился с досады Костя. Обычно ничем хорошим визиты приятелей не заканчивались. Или денег одолжить попробуют, или на пару дней перекантоваться

напросятся. Могут, конечно, водку пить позвать, но это если у самих денег впритык. Тоже не самый интересный вариант.

– Да чернявый, вечно к тебе таскается, – с готовностью начала описывать визитеров бабка.

– А, Рома! – сообразил пиромант. Ни занимать денег, ни тем более звать пить Рома бы точно не стал – парень не так давно прибился к Братству и теперь все свободное время проводил в тренировочных залах Ордена. А еще он должен был узнать насчет места для Напалма. – А девушка – невысокая, светленькая?

– Да нет, брюнетка, – ухмыльнулась баба Рая. – И не маленькая, немногим тебя ниже.

– Ясно, – хмыкнул несколько обескураженный Костя. Если бы приперлась Зинка – это нормально. Визит какой-нибудь из бывших подружек тоже особыми неприятностями не грозил – расставался он в основном со всеми полюбовно. Но вот высокой брюнетки среди знакомых пироманта точно не было. Странно. – А сказали им чего?

– Дак я ж думала, ты опять в кабаке пропадаешь, – уперла руки в боки баба Рая. – Ты ж не докладываешься!

– Спасибо, – поблагодарил Костя и выскочил за дверь. Кому надо – найдет. А сидеть дома, непонятно чего дожидаясь, дураков нет. Рому, единственно, повидать не помешает. Вдруг чего подыскал?

В «Западный полюс» Костя заявился часам к семи. Наро-

ду к этому времени в «Кишке» заметно прибавилось, поэтому то и дело приходилось пробираться через собиравшуюся в самых людных местах толпу. На рожон Костя не лез, да зеваки и сами спешили убраться с дороги без малого двухметрового парня. Ну а большинство работавших в подземном комплексе лотошников, распространителей, хиромантов и прочих жуликов прекрасно знали Напалма и не собирались впустую терять время.

– Меня искал кто? – уточнил Костя у зевавшего вышибалы «Западного полюса», который отодвинул засов и распахнул железную дверь после недолго разглядывания пироманта в глазок.

– Не-а, – спрятался тот в свой закуток.

– Ну и ладно, – буркнул под нос парень и, пройдя в основной зал, внимательно огляделся.

На первый взгляд помещение клуба больше всего напоминало декорации для съемок фильма про войну, которые неспешно начали подгонять под сценарий бандитского боевика. Голые бетонные стены перемежались отделанными вагонкой альковами, а стоявшая на втиснутой в небольшую нишу сцене музыкальная аппаратура была представлена в Форте, пожалуй, в единственном экземпляре. В зале царил полумрак, но не из-за такого видения мира у владельцев заведения, а из-за чрезмерной дороговизны чародейских светильников. На электрическое же освещение и вовсе не хватило бы никаких денег. Да и мощностей свободных нет.

Вообще за последнее время внутренняя отделка «Западного полюса» существенно изменилась, и в лучшую сторону. Появились нормальная мебель, шикарная барная стойка, та же музыкальная аппаратура. Это раньше тут гадюшник был, а теперь уже вполне ничего себе. Правда, ожидать в связи с этим наплыва посетителей не приходилось: состоятельный люд предпочитал гулять в респектабельном «Сан-Тропезе» или спускать легкие деньги в безбашенной «Серебряной подкове». Публика попроще собиралась в «Цапле», «Берлоге» и еще паре-тройке мест, а все остальные, не заморачиваясь, пили, где придется.

В «Западном полюсе» же тусовались свои. И приходили сюда наделенные самыми разнообразными магическими способностями уники именно с целью пообщаться с теми, кто не считает тебя немногим лучше урода. Колдуну найти работу в Форте проще простого – унику, даже с самой востребованной специализацией, приходилось довольствоваться объедками со стола более продвинутых коллег, за спиной которых стояла могущественная Гимназия. Вот и получалось, что «Западный полюс» стал одним из немногих мест, где люди с паранормальными способностями не чувствовали себя отверженными.

Народу в клуб набилось уже немало, но и свободных мест пока оставалось предостаточно. Костя медленно обошел стоявшую прямо посреди зала закрытую дверь, которая никуда

не вела, и, заметив знакомых, направился к одному из столов у сцены.

– Привет! – поздоровался он с двумя скучавшими парнями и бухнулся на свободный стул.

– Привет, Напалм, – протянул ему руку Гена – невысокий щуплый парнишка с коротко стриженными светлыми волосами и татуировкой «Криоген» на тыльной стороне левой ладони.

– Хорош! – Костину ладонь на мгновение обожгло холодом, и он невольно поморщился. Гена никогда не забывал напомнить другим о своих не столь уж великих способностях – моментально понижать температуру какого-либо небольшого по объему предмета. Как ни странно, непыльную работенку ему даже искать не пришлось – наоборот, еще выбирал, на кого пойти работать: на чародеев Братства или гимназистов. Оказалось, сверхбыстрая заморозка ингредиентов требовалась при изготовлении весьма обширного перечня зелий.

– Какие люди и без охраны! – осклабился второй из сидевших за столом парней. Был Степан Ларин лет на пять постарше Кости, на пару голов пониже и килограммов на тридцать тяжелее.

– А че такое? – уставился на него Напалм.

– Студент тебя искал, вроде должок хотел стребовать.

– Да пошел он! – вспылил пиромант. – Мы до понедельника следующего договаривались! Совсем оборзел! Подождет!

– Он в карты проигрался, вот и дергается. – Степан огля-

нулся посмотреть на соседний стол, где игравшие в «дурака» парни передвигали карты с помощью телекинеза, и презрительно фыркнул. Оно и понятно – сам он с таким даром вкалывал грузчиком на «Ферме».

– Перетопчется! – отмахнулся Костя.

– Выпьешь? – указал на бутылку с самогоном Гена, заработки которого позволяли безболезненно для собственного кошелька угощать приятелей выпивкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.